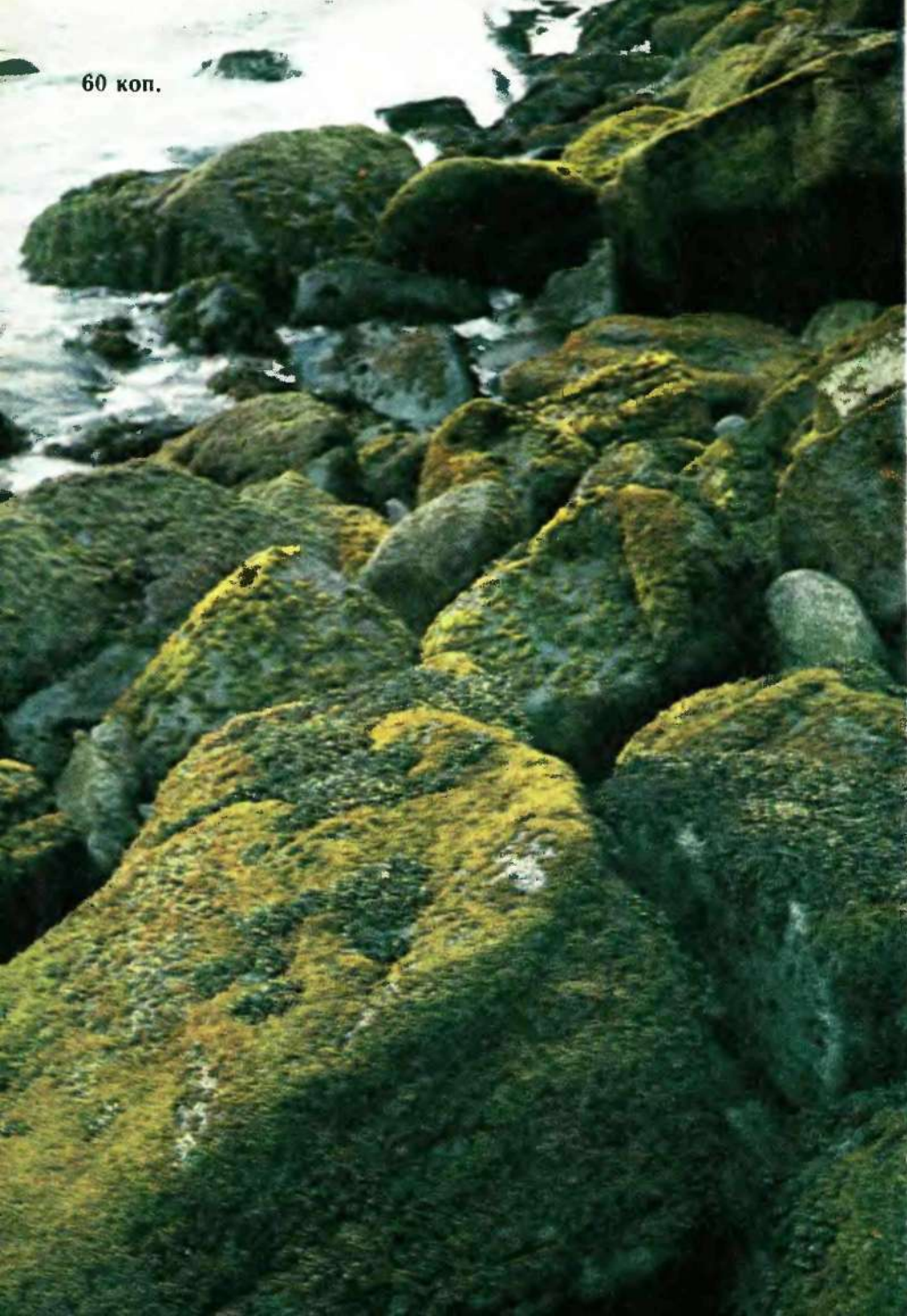

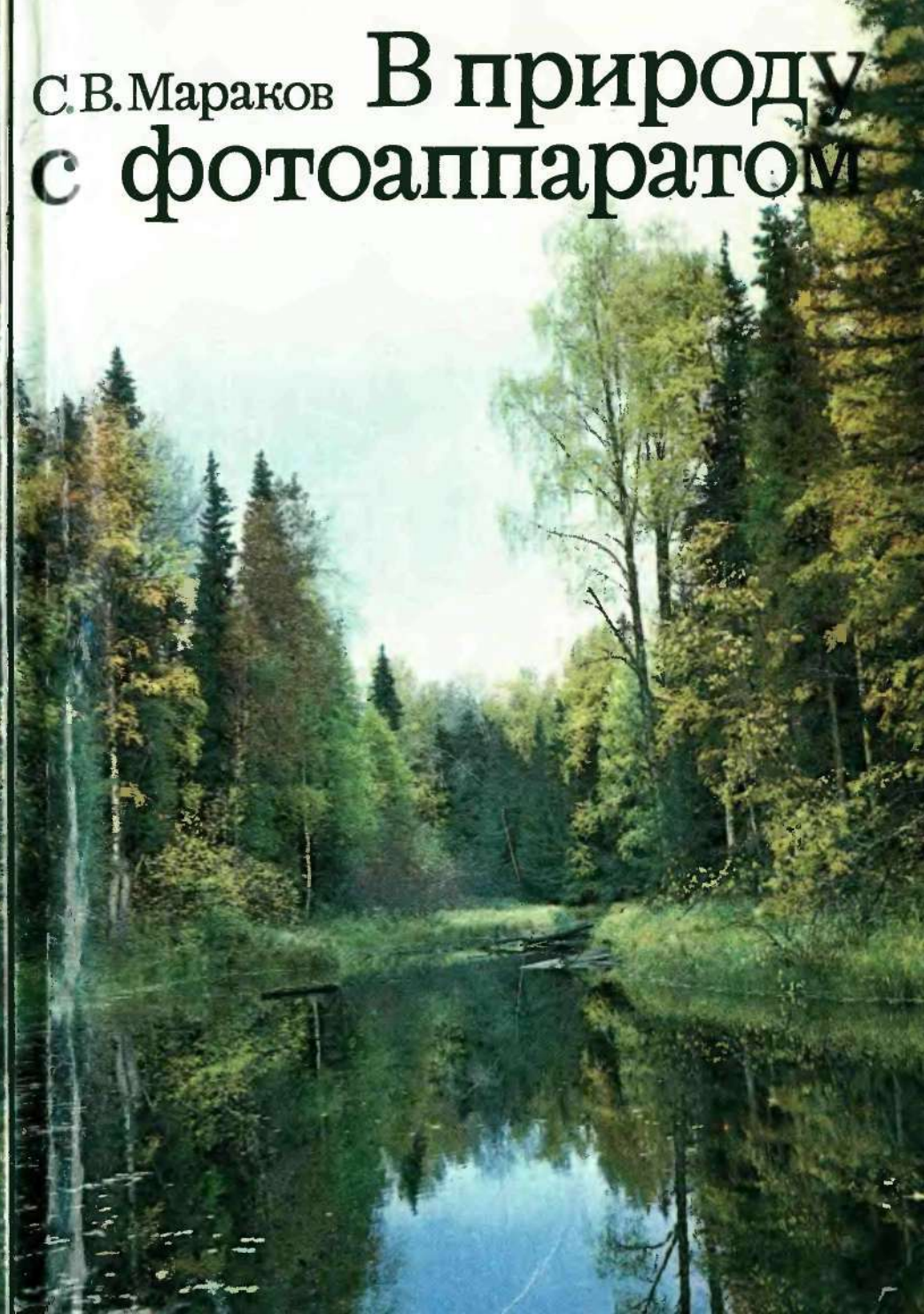
VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

60 коп.

С. В. Мараков В природу
с фотоаппаратом

Издательство
«Знание»

Москва
1978

С.В.Мараков В природу
с фотоаппаратом

Мараков С. В.

M25 В природу с фотоаппаратом. М., «Знание», 1978.

96 с.

Охрана и рациональное использование ресурсов живой природы неотделимы от глубокого их знания. Среди различных форм изучения природы одна из самых доступных и массовых — фотографирование. Автор рассказывает о целях и задачах фотографирования, обработке материалов, организации и проведении фотоохоты в различных географических зонах, предупреждает о последствиях неосторожного вторжения в дикую природу. Книга снабжена большим количеством оригинальных фотографий.

М 32304-021 17-78
073(02)-78

57.069

Людям свойственно стремление хранить в памяти черты окружающего мира, они склонны все чаще обращаться к помощи фотоаппарата. Человека с фотокамерой можно встретить в самых разных уголках нашей страны — и в средней полосе России, и в сибирских лесах, и близ кратеров курильских вулканов. В последние годы обязательной принадлежностью миллионной армады туристов становится эта хранящая волшебную силу машина «консервации прекрасных мгновений».

Проникая в природу, запечатлевая ее тайны, каждый из фотографов-натуралистов получает затем возможность вновь и вновь возвращаться в мир некогда увиденного и, что особенно важно, делиться своими трофеями с людьми. А трофеи эти иногда бывают поистине замечательными. Широкое применение обратимых пленок позволяет путешественникам привозить с собой в рюкзаке подлинное цветное богатство, целый мир чудес.

Без помощи фотографии (и ее производного — кино) сейчас трудно представить себе работу по экологическому воспитанию людей, пропаганду важнейшей государственной задачи — охраны природы, борьбу за разумное и рациональное использование природных ресурсов. Все чаще мы видим на страницах массовых журналов и книг прекрасные ландшафты, которые необходимо сберечь для будущих поколений, изображения редких и исчезающих животных. А ведь для того, чтобы получить хороший снимок зверя или птицы, надо не только умело владеть фотоаппаратом, но еще и знать повадки животных, места их обитания, усвоить определенные охотничьи навыки.

Сейчас можно часто услышать, что фотографирование животных в естественных условиях — это «охота без запрета», «безобидная охота», «охота без выстрела» и т. д. Широкие возможности охоты с фотоаппаратом привлекают многих восторженных поклонников, «особенно в те периоды, когда жизнь природы проявляется наиболее сильно и красочно» (Г. Я. Артюхов). Но так ли уж безобидна такая охота? Едва ли. Всякое проникновение человека с фотокамерой в места, где обитает дикое зверье, — это вторжение.

Иногда оно почти незаметно, а зачастую сильно нарушает покой наших «братьев меньших». Очевидно, скоро будут разработаны правила поведения на природе, обязательные для каждого фотоохотника. Пока же наша задача — лишь напомнить о необходимости проявлять предельную осторожность по отношению к объектам фотоохоты.

Собираясь писать эту книгу, автор не ставил задачи рассказать о всех премудростях фотосъемки на природе. Каждый целеустремленный фотоохотник или фотонатуралист в конечном итоге отыщет свои приемы, найдет свое видение окружающих красот, и тогда произойдет естественный отбор круга объектов. Одни предпочтут среднерусские ландшафты с бессмертной темой — березой, другим придутся по сердцу только кажущиеся однообразными степные просторы, третьих привлечет, казалось бы, мрачная симфония скал, четвертые отдадут свою привязанность съемкам зверей и птиц.

В этой книге мне хочется поделиться собственным опытом использования фотоаппарата — неизменного своего помощника и друга во время ближних и дальних странствий, напомнить о некоторых общих правилах съемки, хранения и использования полученных негативов и диапозитивов, рассказать о замечательных уголках природы, где мне удалось побывать, о некоторых представителях животного мира. Конечно же, мне придется иногда обратиться за помощью и к опыту наших замечательных фотомастеров.

В каждой работе случаются досадные промахи, неисправимые упущения. Бывают они и у фотографа. О них тоже будет сказано в книге. Может быть, это окажется полезным и поможет читателю избежать разочарований.

Думаю, что читатели простят мне определенную фрагментарность книжки, неполноту практических сведений, относящихся к технике фотографирования. Восполнить эти пробелы поможет приведенный в конце список некоторых пособий и справочников по фотографии.

Если эта книга поспособствует увеличению рядов фотографов-натуралистов — чутких исследователей природы и пропагандистов ее охраны и процветания, то автор будет считать свою задачу выполненной.

В 1826 году француз Жозеф Ньепс через камеру-обскуру произвел из окна своей мастерской первый в мире фотоснимок. В основе этого события лежало сделанное им открытие, что сирийский асфальт, или битум, под действием света затвердевает, что части его, защищенные от солнечных лучей, остаются растворимыми и могут быть смыты лавандовым маслом. Оставшееся рельефное изображение на асфальте, который был нанесен на медно-серебряную пластинку, могло служить клише для получения оттисков на бумаге. Этот процесс Ньепс назвал гелиографией. Гелиография была слишком медленным способом — снимок получался при экспонировании в продолжение от 2 до 6 часов!

Спустя десять лет, в 1837 году, французский художник Луи Дагерр в содружестве с Ньепсом открыл второй фотографический процесс, названный по его имени дагерротипией. Тем самым развитие фотографии было заметно продвинуто вперед. При дагерротипии съемка сокращалась до 12 минут летом и 40 минут зимой. За это время скрытое изображение отлагалось на пластинке, покрытой йодистым серебром. После обработки ее парами ртути появлялся единственный снимок. Это был позитив, не дававший возможности многократно воспроизвести изображение.

Дагерротипия явилась великим открытием. Другое ее название — фотография — вошло в обиход с легкой руки знаменитого французского физика и ма-

тематика Араго. Выступая 7 января 1839 года с докладом об опытах Дагерра и Ньепса на заседании Французской академии наук, он впервые произнес это так знакомое нам теперь слово.

В 1841 году английский ученый-востоковед и химик-любитель Уильям Талбот разработал процесс получения негатива на прозрачной подложке и отпечатанного с него позитива на светочувствительной бумаге. Этим была создана основа современного негативно-позитивного процесса на галогенидосеребряных солях.

Однако до совершенства был весьма долгий путь. Сначала поиски слоя. Почти 30 лет отделяют сирийский асфальт и лавандовое масло, серебро и йод от чудотворной желатины. Лишь в 1871 году англичанином Ричардом Медоксом был предложен способ изготовления бромосеребряной желатиновой эмульсии. Не менее трудным оказался путь поисков оптики. Лишь в 1845 году стало возможным рассчитать конструкцию объективов почти на все случаи земной и внеземной съемки.

Таким же мучительным и нескорым стал подбор камеры. В сущности, этот процесс и поныне не завершен. Фотокамеры в целом остаются объемистыми и тяжелыми, хотя, конечно, как небо от земли отличаются от фантастически громоздких конструкций первых в буквальном смысле «помещений» для чувствительной пластинки и потока световых лучей.

Развитие фотографии испытывало сложности не только с технической стороны. Ревниво отнеслись к ней художники, долго не давая ей права называться искусством. История вынесла свой суд, «наказав» противников фотографии среди художников тем, что лучшие их портреты были сделаны фотографами. Снимать природу стали в первые же годы после изобретения дагерротипии. Гораций Верне уже через несколько недель после получения дагерротипией «прав гражданства» выехал в Египет для съемки фотографических пейзажей. Натуралисты увидели в фотографии замечательного помощника. Такие известные ученые России, как П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Н. А. Северцов, Н. М. Пржевальский, Г. Н. Потанин, В. Л. Комаров, Л. С. Берг, К. А. Тимирязев и многие другие, пропагандировали фотографию как метод научного поиска. Они брали в экспедиции хотя и обременительный, но бесценный инструмент для фотографирования. В походах фотоаппарат применяли сподвижники Н. М. Пржевальского, В. И. Роборовский и П. К. Козлов, путешественник Г. Е. Грум-Гржимайло, выдающийся геолог В. А. Обручев. П. К. Коелов вообще полагал, что фотография должна быть необходимой, само собой разумеющейся частью экспедиционных работ, а Н. Н. Миклухо-Маклай в письме из Сиднея еще в 1878 году сообщал: «Наперекор желанию, приходится соглашаться, что для естествоиспытателя, а тем более для путешественника необходимо быть самому фотографом, и мне волей-неволей приходится учиться этому положительно необходимому искусству». Фотографу в экспедициях XIX века приходилось брать с собой камеру такого же размера, что использовалась в портретных павильонах, подбирать портретные и ландшафтные объективы. Тяжелый треножник с черным покрывалом дополнял непосредственно съемочное

оборудование. В отдельных ящиках тут же находились стеклянные пластины большого размера. Обязательным дополнением была и складная палатка для лабораторных работ, а также бутыл с коллодием и всевозможные объемные склянки для растворов солей галлоидов. Географ Н. А. Чарушин, например, брал с собой в путешествие фотографическое снаряжение весом около 50 пудов. И все это делалось нередко ради нескольких десятков снимков. Поистине подвижниками были фотографы-путешественники тех лет! С развитием фотографии, усовершенствованием камеры и съемочных пластин в конце прошлого и начале нынешнего века жажда снять природу окупалась меньшими усилиями; хотя и в эти годы снаряжение фотографа оказывалось нелегким. Однако этот труд оправдывал себя стоически. Глядя сейчас на замечательные снимки пейзажей Поволжья или Печорского края академика-геолога А. П. Павлова, изучая фотоснимки озера Балхаш и реки Или, сделанные в 1903 году Л. С. Бергом, или восхищаясь прекрасными видами Камчатской природы начала века, которые снимал ботаник В. П. Савич, понимаешь, сколь они бесценны. Ландшафты и фауну Новосибирского архипелага запечатлел во время исследований зоолог А. А. Бялыницкий-Бируля в 1902 году. Для потомков оставлены точные документы состояния природы тех мест — растительность, общие виды ландшафта, населяющие их животные. Давно исчезли в результате варварского избиения многие лебиды котиков на Командорских островах, сейчас порой трудно установить места их бывшего расположения, если бы не завидные по качеству (даже по современным требованиям) фотографии Леонарда Стейнегера и Е. К. Суворова. Фотографы XIX и начала XX века из-за несовершенства фотокамер и низкой

чувствительности пластинок или пленок имели ограниченные возможности для съемок диких животных. В то время снять их в природе считалось особо сложным видом фотографирования. Бурное развитие техники в нашем веке обусловило появление новых возможностей в фотографировании природы, и в первую очередь ее динамичных объектов — будь то низвергающаяся из кратера вулканическая лава, стремительно пронесшаяся ласточка или мгновенный след молнии. Стало относительно легко снимать животных. Расширились возможности использования новых «природных павильонов», например подводных. Именно в это время произошло становление того направления в фотографии природы, которое зовется охотой с фотоаппаратом. На новый уровень вся фотография, и особенно фотография в природе, поднялась благодаря возможности передавать цвет. В 1913 году в качестве приложения к журналу «Наша охота» вышла первая отечественная книга «Охота с камерой». В первой ее части «Что такое охота с камерой» профессор С. А. Бутурлин, обобщив опыт зарубежных фотографов-натуралистов, предложил вниманию читателей правила охоты с фотоаппаратом и показал ее назначение. Эта эстафета была продолжена. Уже в советское время появляются изданные большими тиражами руководства по фотографированию живой природы таких замечательных ученых и путешественников, как профессора С. И. Оглозов и С. С. Туров. Не одно поколение любителей фотографии воспитывалось на их опыте. Сейчас, чтобы хоть кратко рассказать о большой армии фотолетописцев природы, надобна не одна книга. Мне хочется упомянуть лишь некоторых из них. Одним из больших мастеров-фотонатуралистов и фотохудожников является

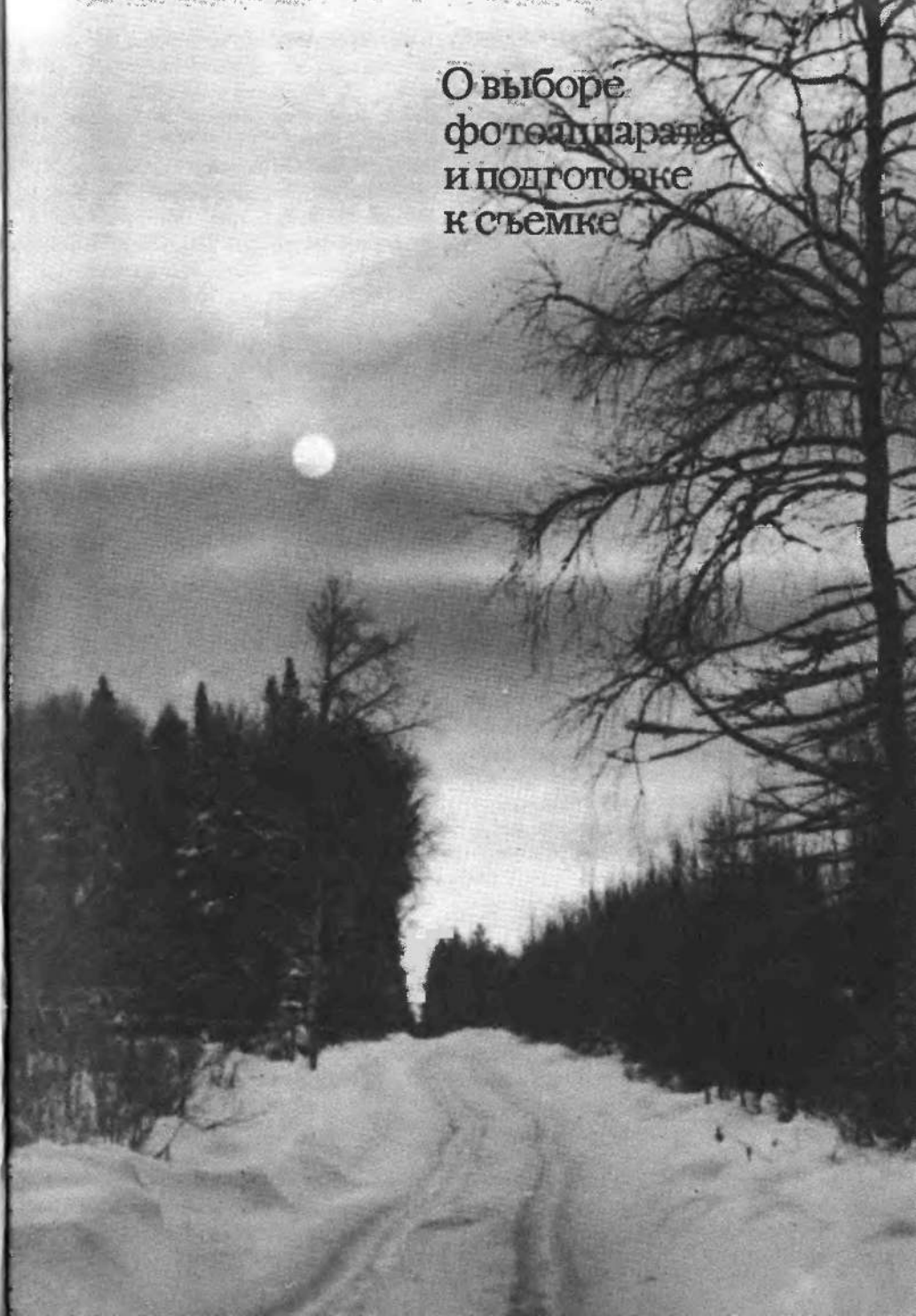
В. Е. Гиппенрейтер. Круг его интересов необычайно широк — от съемок алеутской брусники или поднявшегося в настороженности гигантского камчатского медведя до суровых вулканов Камчатки и Курильских островов. Особенно хороши пейзажи этого мастера. Его прекрасные фотоальбомы «К вулканам Камчатки», «Заонежье» или «Командоры» могут служить настоящим пособием к теме — что и как снимать в природе. Замечательным фотоописателем насекомых, отличным охотником за птицами и зверьями Казахстана проявил себя П. И. Мариковский. В его многочисленных книгах собственные иллюстрации. Итогом его съемок на природе была превосходная книга «Охота с фотоаппаратом». Немало ценного опыта можно позаимствовать и у большого мастера фотографии В. Минкевича в книге с таким же названием. Тем, кто хочет познакомиться с жизнью птиц, научиться подсматривать их тайны, надо, конечно, прочитать книги и посмотреть фотоальбомы ленинградских ученых и фотографов Э. Н. Головановой и Ю. В. Пукинского. Среди натуралистов и охотников хорошо известны снимки природных ландшафтов, зверей и птиц, сделанные Н. Н. Немновым и В. Бохановым. Едва ли не каждый номер журнала «Охота и охотничье хозяйство» иллюстрировался превосходными фотоснимками этих мастеров. Многие книги и фотоальбомы о природе украшают их работы. В большом диапазоне фотографических сюжетов лауреата Ленинской премии журналиста В. М. Пескова природа занимает немалое место. Взять хотя бы такую его работу, как книга-альбом «Отечество». Здесь и милая средне-русская ромашка, и исполины ледяных полей Арктики — моржи. Певцом Байкала с полным правом можно назвать биолога-охотоведа О. К. Гу-

сева, посвятившего этому чуду природы немало строк и отличнейших фотографий. Ему удалось разглядеть через видоискатель это озеро таким, каким редко кто имел счастье его наблюдать. Как среди охотников есть специалисты по меткой стрельбе и капканному промыслу, так и в среде фотоохотников встречаются мастера «отлова» животных с помощью настороженного на тропе фотоаппарата. Таким непревзойденным в нашей стране специалистом является орнитолог В. А. Кречмар. Сидящая спокойно на гнезде полярная гагара не подозревает, что ее сторожит точный глаз объектива, который откроется в

нужный момент. Точно так же гигант русских лесов лось вряд ли обратит внимание на протянутую поперек его тропы проволочку, связанную со спуском затвора фотоаппарата. Многие сотни и тысячи снимков зверей и птиц, сделанные этим мастером, украшают страницы книг и журналов.

Фотографии этих и других известных фотолетописцев природы, иллюстрируя книги или оказываясь на стендах выставок, помогают воспитанию бережливого отношения к природе, ее изучению, развитию глубокой любви к неповторимой красоте Родины.

О выборе фотоаппарата и подготовке к съемке

Снимать на природе практически можно любым фотоаппаратом, однако некоторые виды съемок и, в частности, съемка животных требуют наиболее удобных для этих целей камер с различными объективами. Мне лично нравятся замечательные отечественные «Зениты», у которых большой набор объективов от наиболее практичного широкоугольника «Мир-1» до зарекомендовавших себя с наилучшей стороны телеобъективов «Таир-3» и МТО-500. Хороши также несильные телеобъективы «Таир-11» и «Телемар-22». Некоторые фотоохотники предпочитают применять гигантский телеобъектив МТО-1000 и добиваются при этом отличных результатов. Верным приверженцем этого сверхтелевика, в частности, является кировский фотоохотник В. Ш. Арбузов. Этим объективом он с успехом снимает куликов, крачек и пролетных, жирующих на полях гусей.

Целая семья советских фотоаппаратов с наводкой по дальномеру — ФЭД, «Зоркий», «Киев» (кроме «Киева-6»), «Ленинград» — вполне пригодна для съемок природы. Однако снимать животных этими фотоаппаратами затруднительно, тем более что телеобъективы у них относительно слабые. Я с благодарностью вспоминаю своего первого фотографа — ФЭДа, с которым бродил по Северо-Западной Карелии, в приречных лесах, и удивительно выносливого и надежного «Зоркого» первой модели. С ним я почти 6 лет не расставался на Командорах, не раз попадая в разные переделки: трижды «купался» в ледяных волнах Тихого океана, кубарем летел с крутых заснеженных склонов сопки.

Для съемок пейзажей, крупных передних планов, особенно там, где требуется большой угол охвата, весьма неплохо однообъективная «Смена». Ее отличает удивительная простота, надежность работы, почти невесомость. Зимой я всегда

ношу ее с собой. Центральный затвор этого аппарата безотказен, чего не скажешь про «Зениты», которые в зимнюю стужу надо постоянно отогревать под одеждой.

Из широкоформатных фотоаппаратов славятся до сих пор почти все модели «Москвы». Много троп вместе с нею было пройдено по Прибалхашью, Камчатке и Кировской области. Однажды «Москву-5», заряженную цветной обратной пленкой, у меня на необитаемом острове Верхотурове стащили песцы.

Очень неплохо зарекомендовала себя «Искра». Когда знакомые одалживают мне ее на период экспедиционных работ на Командорах, то я словно чувствую локоть надежного друга. Ни разу она меня не подвела.

К сожалению, удобные дальномерные «Искра» и «Москва» сейчас не выпускаются. В ходу массовый зеркальный, двухобъективный «Любитель». Он дает хорошие снимки, но не очень удобен в работе.

Зеркальные «Салют» и «Киев-6» позволяют делать отличные снимки, однако они тяжелы, громоздки и дороги.

Из панорамных фотоаппаратов незаслуженно редко применяется фотолюбителями «Горизонт». Между тем это отличный фотоаппарат для пейзажных съемок. У него хорошая глубина резкости, он не требует наводки, прост в употреблении. А главное — результаты съемок, которые покорили меня, и теперь ни одной экспедиции, какой бы трудной она ни была, я не провожу без «Горизонта». Из зарубежных фотоаппаратов у нас в продаже регулярно появляется широкоплоскостный «Пентаконсикс» и узкоплоскостная «Практика». Последняя пригоднее для широкого пользования, да к тому же и заметно дешевле.

С одним фотоаппаратом отправляться далеко нельзя. Нет ничего обиднее, чем оказаться обезоруженным перед лицом

уникальных картин природы. А это случается не так уж редко.

Вторым неперемнным условием подготовки к съемке служит подбор фотопленок (на пластинки сейчас снимают немногие любители). Для широкоплоскостных фотоаппаратов — это роликовая пленка шириной 6 см с кадром 6×6 и 6×9 см и кинопленка для малоформатных камер шириной 24 мм. В зависимости от направленности съемки, ожидаемых условий освещения подбирают и чувствительность пленки. Наиболее употребительны пленки чувствительностью в 65 единиц ГОСТа. При фотографировании в условиях слабой освещенности и съемки быстродвижущихся объектов нередко пользуются и более чувствительными фотопленками — 130—250 единиц. Существует общая закономерность сроков хранения негативного материала. Чем выше чувствительность фотопленки, тем короче срок ее хранения. Это надо обязательно учитывать и не запасать пленок высокой чувствительности впрок и помногу.

Фотографы наших дней все чаще берут с собой цветную пленку — негативную и особенно обратимую. Обычно ее чувствительность невысока — не более 18 ДИН, или 45 единиц ГОСТа, хотя встречается пленка и более высокой чувствительности. Срок их хранения небольшой, в пределах одного года, и лучше избегать пользоваться цветными обратными пленками, особенно импортной «Орвохром», с просроченным временем хранения. Я очень жалею, что иногда пренебрегал этим правилом.

Немаловажное значение имеет подготовка кассет для узкоплоскостных фотоаппаратов. Заблаговременный подбор светонепроницаемых, легко подающих пленку кассет избавит от досадных неприятностей, подстерегающих фотографа в самый важный момент. У некоторых кассет заграничного производства, заряженных в отечественные аппараты,

заедает катушку и после сматывания слабины первых 3—5 кадров начинает рваться перфорация. Как быть? Надежный способ — регулярно через каждые 3 кадра ослаблять головку обратной перемотки пленки или на время съемки держать ее вообще поднятой. После того как я стал это делать, совершенно прекратились обрывы, меньше появлялось на пленках и царапин.

Иногда возникает вопрос о том, каков должен быть запас пленки, которую следует брать с собой. Разумеется, все зависит от времени, на которое вы отправляетесь снимать, и собственной привычки быть «скупым» или «расточительным» фотографом. Случаются дни, когда и одной пленки не изведешь, но выпадают часы удач, в которые расходуешь ее с кинематографической скоростью. Личный опыт обычно помогает в этом деле.

Неперемнные спутники фотографа в путешествии — экспонометр и рукав для перезарядки кассеты. Рукав лучше делать из двойного тонкого темного или темно-зеленого брезента. В нем можно хранить часть принадлежностей, он достаточно крепок. Такой перезарядный рукав верно служит мне уже много лет и, что весьма ценно, почти не дает тканевой пыли.

Необходимы бывают ножницы, перочинный нож, мелкие плоскогубцы, пинцет, часовые отвертки. В дальнейшем фотостранствие полезно захватить и элементарное руководство по ремонту фотоаппаратов — фотомастерских в таежной глухомани не найдешь.

При съемке животных некоторые фотографы применяют легкую маскировочного типа палатку. В дождливых или, наоборот, слишком солнечных местах неоценимыми помощниками будет зонт или тент. Конечно, полезны приклады для изготовления фоторужей, штативы и трески. Все это повышает качество снимков, но и, конечно, вес снаряжения.

При плохих условиях освещенности, особенно под пологом леса, съемках в сумерках или даже ночью, полезной оказывается портативная, на батарейках лампа-вспышка.

В экспедицию надо брать два рюкзака — большой, туристского типа, и легкий, из тонкого брезента, поменьше, весом в 200—300 граммов. С легким рюкзаком и небольшой полевой сумкой удобнее всего делать фотонабеги, отрываясь от базового пункта. И конечно же, нельзя забывать полиэтиленовую пленку и мешки из этого неоценимого для фотографа материала.

Вспоминаю, как спокойно было душе, когда, возвращаясь джунглями из национального парка Кахуэй-Вьегга (Заир, Африка) после встреч с горными гориллами, мы попали под водопад тропического ливня. За спиной в рюкзачке в полиэтиленовых мешках в полной безопасности лежали фотоаппараты, снятая пленка и документы.

В таком деле, как подготовка к съемкам на природе, ненужных мелочей не бывает. Для очищения объектива и других частей фотоаппарата от пыли полезна резиновая груша, тонкие чистые тряпочки (но не замша — она царапает стекло), небольшой запас спирта, но ни в коем случае не бензина. Не рекомендуется применять и одеколон.

В памятке, которую желательно всегда заранее составить, надо упомянуть и проверку ремней чехлов у фотоаппаратов. Сколько неприятностей можно избежать, если укрепить их дополнительным страховочным шнурком или медной проволокой, а отстегивающийся верх футляра фотоаппарата, который то и дело теряется, просто пришить капроновой ниткой к основной части.

Одежда фотографа-натуралиста должна удовлетворять времени года, местности, погоде, быть малозаметной. В сырых болотистых районах, по берегам рек, озер и морей удобно ходить в высоких рези-

новых сапогах. Хотя они и тяжелее обычной обуви, но прочны и не утомляют ног. В них легко подкрадываться на четвереньках, стоять на коленях.

При подготовке к фотосъемкам на природе следует иметь в виду, что при плохом знании биологии зверей и птиц, их повадок вообще невозможно добиться серьезного успеха. Только в национальных парках, где животные доверчивы, привыкли к человеку, удается сходу делать удачные кадры. Во всех же иных случаях нужно постараться предварительно ознакомиться с местностью и даже объектами съемки.

Прибыв на место, нередко приходится накануне съемок подготовить укрытие — шалаш, изгородь, палатку или яму.

Съемки птиц или зверей на засидках в укрытиях, а также при активной пешей фотоохоте требуют зачастую большого напряжения и выносливости. А. С. Мальчевский, Э. Н. Голованова и Ю. Б. Пукинский, например, писали, что если фотограф не в состоянии просидеть 5—10, а иногда и много больше часов в тесной палатке, если не в силах выносить холод, жару и палаточную духоту, ему лучше не браться за съемку птиц. Однако упомянутые «муки» вовсе не обязательны. Можно ведь довольствоваться фотографированием ландшафтов, снимать растения и беспозвоночных животных, в частности насекомых, и находить в этом настоящее эстетическое, творческое удовлетворение. Впрочем, нет ни одного истового фотоохотника на зверей и птиц, который не «добывал» бы попутно и кадры с пейзажами.

Главное же, без чего нельзя приступать к съемкам на природе — это без трепетной любви к ней, к самым, казалось бы, незначительным, ее явлениям. Поэтому равнодушный к природе фотограф, вооруженный пускай даже самой современной техникой, никогда не сумеет найти в ней прекрасные образцы, не сможет подсмотреть ее тайн.

Как, где
и что снимать?

Эта глава не только о том, как, где и кого снимать в природе. В самом ее начале я хотел бы напомнить про основные стадии съемки вообще. Все они настолько важны, что к каждой из них следует подходить с исключительным вниманием.

Выбор кадра. Что попадет на пленку, чего надо добиваться при поимке птицы или зверя в видоискатель фотоаппарата? Вопрос не из легких, и зачастую без предварительной тренировки поначалу обнаружатся существенные погрешности. В одном случае объект потеряется на общем фоне или окажется мелким. В другом — будут отсутствовать существенные детали. Для выработки привычки быстрого выбора кадра следует загодя тренироваться в наводке. Полезно, оказывается, даже без фотоаппарата «снимать» глазом окружающие объекты, быстро укладывая их в невидимые рамки предполагаемого кадра. В итоге развивается навык автоматически, интуитивно, не затрачивая времени на размышления, ловить в короткие мгновения на «мушку» фотоаппарата основное.

Важную роль при поиске кадра выполняет правильно найденная точка съемки, или съемочная позиция. Она помогает особенно при наличии многих предметов выявить в объекте его характерные черты. При выборе точки съемки следует учитывать освещение, его направленность. Практика показывает, что лучший вариант освещенности — сбоку под углом в 45° к объекту.

Резкость. Самый лучший кадр в большинстве случаев не имеет ценности, если не удалось получить резкого изображения. Необходимая резкость достигается прежде всего тщательностью наводки по матовому стеклу или дальномеру и диафрагмированием. Исключения составляют сильные широкоугольные объективы с большой глубиной резкости, где иногда сама система наводки, как, например, в панорамном фотоаппа-

Кедр сибирский. Хехцирский заповедник

Флаговые лиственницы. Остров Итуруп

Будущий помощник охотника — щенок финской лайки

рате «Горизонт», вовсе отсутствует.

Особой тщательности требует наводка на резкость телеобъективов. Немало начинающих фотографов на первых порах разочаровывается в таком замечательном телеобъективе, как МТО-500. Вообще же при наводке на резкость телеобъективами нужна большая собранность и исключительная тщательность. Не всегда, однако, требуется добиваться абсолютной резкости по всему кадру. При съемках животных фон часто мешает, поэтому обращаешь внимание на четкость изображения самого зверя или птицы. Наиболее часто употребляемые диафрагмы для большинства видов съемки 5, 6 и 8. Они обеспечивают при точной наводке необходимую глубину резкости.

Правильное экспонирование — третье важное условие. Сколько надо пропустить света к фотослою, чтобы в нем образовалось то самое загадочное, скрытое изображение снимаемого предмета

вплоть до подробностей в наименее освещенных местах — извечная, трудная задача даже для опытных мастеров. От ее успешного решения в конечном итоге и зависит удача фотографирования, особенно на цветную пленку.

В любом случае при определении выдержки необходимо учитывать характер объекта съемки, географическую широту, время года и суток и, конечно же, погоду вообще. За основу следует принимать светочувствительность фотопленки и светосилу объектива.

Расчет выдержки можно делать по специальным таблицам, но лучше всего с помощью экспонометра. Для страховки рекомендуется сделать, кроме снимка с выдержкой по экспонометру, еще два — один с вдвое большей экспозицией, другой с вдвое меньшей. Эта своеобразная фотовилка позволит наверняка попасть в цель.

В определении выдержки помогает и собственный опыт, хотя абсолютно ему

Тростниковые моря Прибалхашья

доверяться не следует. Периодический контроль экспонометром избавит от серьезных ошибок, особенно в местах с большим перепадом освещенности. Надо всегда помнить, что наш глаз, умеющий приспосабливаться, оценивает не степень яркости, а контрасты. Ведь свеча ночью может показаться ярче солнца.

Где снимать природу? Ответить на этот вопрос легко. Наша чудесная страна исключительно богата ландшафтами природных зон, населенных различными животными. Субтропики Юга и полярные пустыни Севера, дремучие леса и необъятные степи, гигантские горные хребты и почти полсотни тысяч километров морских берегов — великолепная арена деятельности фотографа-натуралиста. Конечно, в каждом из этих районов складываются специфические условия съемки и общих пейзажей и животного мира. Различна освещенность, по-разному проходят сезоны года. Наконец, и доступность у этих мест разная. На-

Чайка с добычей

Суслик. Прибалхашье

сколько легко попасть в обеспеченные транспортом центральные районы страны, настолько же сложно забраться в глухие места, высадиться на необитаемые острова. И кроме того, в наш век международных контактов, туризма появляется все больше и больше возможностей снимать природу дальних стран.

Наконец, снимать можно и вблизи от городов и в самих городах. Лесопарки, зоопарки различного типа тоже несут на себе печать дикой природы. А ручные птицы и звери дома — разве не представляют они интереса для фотографа? Пускай даже с тренировочными задачами. Поверьте, что свободно летающая по комнате большая синица, пережидая зимние холода, или соболь, поселившийся в избе у охотника, достаточно увлекательные фотообъекты. Еще больший интерес представляют звери и птицы, с которыми можно бывать на природе. Австрийский ученый Петер Кротт иллюстрировал свою монографию о росомхе прекрасными фотографиями бродивших с ним по лесам Альп ручных животных. А сколько превосходных портретов, украсивших страницы многих журналов, подарила любителям природы ручная рысь, обитавшая в заповеднике «Столбы» в Красноярском крае!

Но, конечно, высшими достижениями фотографов-натуралистов остаются снимки нетронутой природы, портреты диких зверей, птиц и других животных.

Стоит сказать про особенности условий освещенности разных мест. На Крайнем Севере, например, в летний полярный день создаются исключительные возможности для круглосуточных съемок. Зато зимой в этих и прилегающих к ним высокоширотных районах наступает мертвый сезон, когда без ламп-вспышек снимать почти бесполезно.

Есть районы нашей страны, где море солнечного света и где одна из главных задач — не допустить передержки при

фотографировании. Это — горы юга. Снимать здесь особенно нелегко. Контраст освещенности заснеженных вершин и глубоких долин бывает исключительно велик.

Своеобразны условия фотографирования в лесу, где затененные пологом леса места соседствуют с ослепительно-солнечными полянками и опушками.

Совершенно отлично от съемок на воздухе фотографирование в подводном мире. Современная техника и снаряжение позволяют проводить его не только в теплых морях, но и под ледяным панцирем Арктики, снимая ныряющих моржей, или ловить в кадр грациозно плавающих в зарослях подводных лугов котиков и сивучей на Командорских островах.

Объекты съемок на природе настолько разнообразны, что только простое их перечисление заняло бы целую книгу.

Среди наземных фотоохотников темы снимков более или менее определились тремя группами животных: беспозвоночные (главным образом насекомые), птицы и звери. Пресмыкающиеся и особенно земноводные попадают под фотовыстрел значительно реже. Ну, а у аквалангистов-фотографов, естественно, основные объекты — рыбы, моллюски и кораллы. О фотографировании их написал замечательную книгу подводный фотоохотник Иренеус Эйбль-Эйбесфельдт «В царстве тысячи атоллов».

Из птиц наиболее доступна группа воробьиных. Многие из них живут по соседству с человеком, населяют парки, пригородные леса. Они относительно доверчивы в период гнездования тесно привязаны к гнезду. Особенно удобны для фотографирования колониальные птицы внутренних водоемов и морских побережий, однако подобраться к ним не всегда бывает просто, так как наиболее удобные гнездовья расположены на заболоченных участках либо островах.

Зверей снимать труднее. Все млекопитающие, ведущие ночной и сумеречный образ жизни, практически выпадают из списка животных, фотографируемых без специальных приспособлений. Только в зоопарках, и то с дополнительными ухищрениями, удаются их снимки. Некоторые из представителей этой группы зверей могут быть сняты либо в открытых убежищах (например, бегемоты в водоемах), либо в те периоды, когда они переходят на дневной образ жизни. В частности, ондатры весной часто появляются и днем. Съемку зверей-землероев — кротов, слепышей или цокоров — можно производить лишь со специальными приспособлениями.

Из млекопитающих проще снимать стадных животных. Такие звери-одиночки, как соболь, куница или горностай, под фотовыстрел обычно попадают исключительно редко. При съемке и птиц, и зверей, помимо привычных особенностей их поведения, надо учитывать степень пугливости и индивидуальные черты.

При фотографировании животных нельзя забывать и про основное техническое условие — размер изображения на пленке. Г. Я. Артюхов считает минимально удовлетворительным размером изображения для птиц и мелких зверей 10 мм, для крупных зверей — 15 мм. Надо стремиться к тому, чтобы изображение животного занимало около $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ площади малоформатного негатива. Как полагают Э. Н. Голованова и Ю. Б. Пушкинский, для получения ясного крупномасштабного изображения птицы с помощью телеобъектива «Таир-3» мелких воробьиных птиц приходится снимать по крайней мере с 3—4-метрового расстояния, а птиц размером с ворону — с расстояния 5—7 метров. При фотографировании даже таких крупных птиц, как глухарь или журавль, желательно находиться от них не далее 10—15 метров.

Способов съемок животных не очень

много. Главных два — с подхода и из-за укрытия. Кроме того, существует метод автоматических «фотосамоловов», о котором я уже упоминал, но в нашей стране поклонников у него, к сожалению, еще очень мало.

Съемка с подхода — пример активной фотоохоты. При этом способе необходимо очень хорошо знать повадки зверей и птиц. Наш известный фотомастер Г. Я. Артюхов писал о том, что: «Ходовая охота требует большой активности. Отыскивая и выслеживая зверей и птиц, проходя иногда большие пространства, фотоохотник все время в напряжении — он должен все видеть, все замечать, все запоминать. Он должен раскрывать хитрости животного, обманывать его осторожность, бороться с его чуткостью. Фотоохотник должен преодолевать различные препятствия, должен проявлять находчивость, решительность, инициативу. Все это увлекает, захватывает, дос-

Посланец птичьих скал

Полярная сова

тавляет незабываемые минуты охотничьего волнения. Кроме того, ходовая фотоохота позволяет шире и глубже изучать жизнь родной природы, больше наблюдать и узнавать нового, подчас еще никем не замеченного». Полностью присоединяюсь к этим словам, так как и я в основном вел активную фотоохоту. Это, конечно, не означает, что мне не приходилось сидеть в укрытии, чаще всего естественном, поджидая подплывающего калаиа или утку-каменушку. Частенько случалось чередовать эти два способа.

О том, как проводится съемка насекомых, прекрасно написал П. И. Мариковский в книге «Охота с фотоаппаратом». Добавляю лишь, что известны случаи, когда фотоохотники за насекомыми становились мировыми знаменитостями. Таким является Бернард д'Абреры, который специально отправился на Новую Гвинею, где с величайшим трудом сделал два снимка очень редкой и крупнейшей в мире бабочки Орнитотеры

Александров. Эти снимки, как пишет в журнале «Юный натуралист» В. Ковалев, относят к самым известным фотографиям XX века.

Вернемся к описанию фотографирования из укрытий. Этот метод бывает, как считают Э. Н. Голованова и Ю. Б. Пукинский, наиболее продуктивен, хотя и несколько ограничивает тематику съемки. Фотоохотник из убежища имеет возможность наблюдать и фотографировать разнообразнейшие позы птиц, отражающие различные, подчас интимные моменты их поведения. Упомянутые фотомастера подарили любителям природы сотни интереснейших снимков птиц, сделанных из укрытия — специальной палатки прямоугольной формы. Отличным мастером съемки из укрытий стал студент МГУ М. В. Штейнбах, добивавшийся еще в школьные годы больших удач в фотографировании воробьиных птиц и дятлов. К числу его последних достижений, представленных на фотовыставке в МГУ в 1977 году, относят-

Редчайший антуз, тюлень-цветок. Курилы

Остров Медный. Юго-восточная оконечность

Гаремы морских котиков. Остров Медный

Остров Карагинский

Крапивник у Тихого океана

Большие конюга на острове Беринга

ся уникальные снимки пеночки, свистеля и соловья.

Соловья он снимал весьма оригинальным способом. Сперва записал на магнитофон его песню, а потом проигрывая ее, подошел к птице, возбужденной песней «соперника». Соловей настолько вошел в раж, что не реагировал ни на вспышки лампы, ни даже на легкое прикосновение рук фотографа.

При съемках как с подхода, так и из-за укрытия, надо помнить об особенностях поведения птиц и зверей. В период размножения они привязаны к гнезду, норе, логовищу, хатке. Здесь чаще всего и удаются хорошие снимки. Кроме того, этих животных ловят в видоискатель фотоаппарата на местах кормежек, водопоев, во время миграций, гона. На

имитацию голоса соперника прилетает и рябчик, и тетерев, приходят олени. После окончания периода размножения более доверчивыми оказываются молодые животные, которые значительно чаще оказываются в кадре. Иногда фотографу выпадает удача встретить особо доверчивых птиц или зверей. Я знаю о двух случаях, когда один раз обыкновенный глухарь (в Прибалтике), а другой раз камчатский глухарь (оба петухи) не только не улетели от человека, но пытались на него напасть. Подобные особи встречаются, правда, исключительно редко, и среди многих других животных. Мне попадались и очень доверчивые из «малоинтеллектуальных» ондатры и из чутких осторожных зверей-умиц — каланов.

Зоопарки и парки в городах, особенно если там создана благоприятная, спокойная обстановка, нередко привлекают диких животных. В Московском зоопарке держится особая популяция кряковых уток, превосходно пользующихся своим положением независимых гостей. Считая их зоопарковыми животными, человек зачастую и не подозревает, что в июльско-августовские вечера они совершают воздушный моцион в загородные пруды и озера. Там они относятся к человеку уже как и все дикие кряковые утки — очень бдительно. И ведут себя пугливо. В городах Западной Европы гнездятся вдоль рек, прудов и озер многие из пугливых, по нашему представлению, птиц. В парижских парках я видел многочисленных голубей-яхирей, не обращающих внимания на человека. В наших лесах эта птица, как известно, одна из самых осторожных. Весьма сторожкие по природе лоси оказываются доверчивыми там, где их охраняют.

При фотографировании диких животных иногда помогает случай. В журнале «Охота и охотничье хозяйство» № 6 за 1977 год приведена редчайшая фотография двух лосей-соперников, намертво сцепившихся рогами в поединке во время гона. Ее сделал охотовед Г. Липатов, имевший под рукой фотоаппарат.

Веда беседа на тему о том, как надо и можно снимать животных, нельзя обойти молчанием один весьма важный и актуальный вопрос. Как уже упоминалось, человек с фотоаппаратом у птичьих гнезд, в местах отдыха и размножения зверей не столь уже безвреден. Противопоставление «положительного» человека с фотоаппаратом «отрицательному» человеку с ружьем в корне неправильно. Конечно, мы не имеем в виду браконьеров, неприкрытых врагов природы — они не в счет.

Итак, два любящих природу человека отправляются на охоту, один с ружьем,

другой с фотоаппаратом. Симпатии большинства членов общества, естественно, на стороне последнего. Конечно же, он не приносит окровавленный трофей, его вечно живая добыча радует взор многих людей, пробуждая у них добрые чувства. Но так ли все хорошо и ладно на самом деле? Давайте разберемся с самого начала.

Охотник с ружьем не имеет права выйти в лес или поле без специального удостоверения. Еще раньше он обязан сдать охотничий минимум — строгий экзамен на умение вести себя в лесу, на болоте, в горах. Его руками задолго до охоты создавались условия, чтобы дичи было больше: убежища, искусственные гнездовья, подкормка и, наконец, охрана охотничьих угодий. Вот перечень того, что он обязан сделать, чтобы заслужить право на охоту. И сама охота установлена в сроки, когда природе уже не нанесешь вреда. Охота с ружьем проводится в основном осенью и зимой. В эту пору не вытопчешь цветов, не помешаешь размножению зверей, воспитанию ими потомства. Существуют строгие нормы отстрела, а на многих зверей и птиц вообще нельзя охотиться без специальных лицензий.

А фотоохотник? Он как раз чаще всего беспрепятственно появляется в укромных уголках природы летом, когда зверью и птице нужен покой. Демаскируя гнезда, подводя к ним хищников (а известно, что некоторые четвероногие хищники любят идти по следу человека), фотограф может стать причиной гибели их обитателей. Некоторые осторожные птицы после таких визитов фотографа вовсе бросают кладки и даже птенцов. Особо бдительно следят за человеком вороны и сороки.

Посещение колонии пеликанов и бакланов в период, когда птенцы выросли, оперялись, не приносит никакого вреда. Осторожные родители поднимутся в воздух и покружатся в ожидании ух-

да человека. Но вот представьте себе фотоохотника или кинооператора, исполненного самых наилучших намерений, который проник в колонию этих птиц в разгар вылупления птенцов, да еще среди дня. Южное солнце в это время безжалостно. Удалившись через час-другой из колонии, человек часто и не подозревает, что позади себя он оставляет погибших от перегрева птенцов. Всем, конечно, известны наши красивые и редкие птицы — розовые фламинго. Как-то группа ученых посетила их колонию на озере Кургальджино, чтобы провести учет гнезд и заодно пофотографировать. Довольно скоро люди удалились. Но когда через несколько дней они пришли сюда еще раз, то ни одного яйца не было. Оказалось, что осторожные фламинго не сразу спустились к гнездам, а этим воспользовались крупные серебристые чайки, слетевшие со всей округи, чтобы полакомиться даровым угощением.

Подобный же вред причиняет посещение человеком птичьих базаров в разгар яйцекладки. Слетающие с карнизов кайры, глупыши и другие птицы сталкивают яйца, либо надолго оставляют их без присмотра. Этим пользуются хищные чайки-бургомистры.

Полагаю, что отнюдь не безобидными могут оказаться и многодневные ожидания с фотоаппаратом прихода животных у водопоев.

Сейчас уже принимаются меры к ограничению фотографирования особо редких животных. В ГДР еще в 1954 году «Закон об охране природы» ввел запрещение фотографировать без специального разрешения орла-беркута, орлана-белохвоста, змееяда, черного аиста, филина, дрофу.

В целом, мне думается, совершенно очевидно, что право фотографировать на природе должно предоставляться человеку, хорошо ее знающему и заботливо к ней относящемуся.

Осторожка и использование фотоплёнок

Закончен полевой сезон фотографа. Природа принесла ему немало своих эстетических даров. С помощью фотоаппарата часть из них удалось в виде пока еще скрытого изображения сохранить и привезти домой. Пленки проэкспонированы, особым знаком сверхценности помечены пакеты с наиболее редкими фотоудачами. Теперь предстоит окончательно удостовериться в том, что сезон прошел не зря. Надо, не откладывая надолго, проявить пленки. С волнением ждешь результатов. А они зависят не только от съемки.

Можно много и удачно снимать, но если на завершающем этапе — обработке фотопленок — допустить небрежность, то вся колоссальная физическая и духовная энергия, затраченная при фотографировании, пойдет впустую. Процесс проявления пленки весьма ответствен. Обычно проявляют сами фотографы, поскольку особых сложностей в этом нет. В рецептурных справочниках легко отыскать необходимые составы проявителей и закрепителей. Мне приходилось пользоваться разными проявителями, от нашего стандартного № 2 до простого по составу метолового без щелочи Д-23, а также патентованными проявителями зарубежных фирм — «Атомал», «Финал», «Родинал». В последние годы я остановился на стандартном проявителе № 2. Вообще опытные фотомастера полагают, что полезнее взять за правило снимать на одну и ту же марку пленки и проявлять ее одним постоянным проявителем. Лишь иногда возникает необходимость, например, повысить чувствительность пленки, снятой заведомо с недодержкой. Тогда используют проявители, многократно повышающие чувствительность. Пленка эта должна быть сразу же в полевых условиях соответствующим образом помечена. Иначе она пойдет в работу вместе с нормально экспонированным материалом и станет

Деревянные ласточки в тростниках

малоприспособленной из-за сильной недодержки. С досадой, например, я вспоминаю свое упущение, когда второпях не отметил сильно недодержанную пленку, на которой в сумраке тропического леса восточного Заира были сняты горные гориллы. Так и остался облик этих редчайших обезьян лишь в зрительной памяти.

Проявляя и закрепляя пленки, тщательно промывая их водой, надо быть внимательным и аккуратным. Непременным условием этой работы должно стать выполнение элементарных правил. Вода для растворов и промывания материала должна быть чистой, профильтрованной. Еще лучше растворять химикаты в дистиллированной воде. Необходимо точно выдерживать стандартную температуру и время проявления. Не следует торопиться с окончанием промывания негативов — их следует за полчаса пропустить минимум через три смены воды. Тогда негативы будут храниться неограниченно долго.

Поскольку обработка цветных негативных и обратимых фотоматериалов гораздо сложнее, чем черно-белых, проще прибегать к централизованной проявке в специализированных лабораториях и ателье, имеющихся сейчас почти в каждом областном центре.

В тех случаях, когда фотографировать приходится в течение долгого времени,

в экспедиции, полезно иметь с собой бачок и небольшой запас проявителя и закрепителя. Периодические контрольные проявления помогут выявить недочеты и дать уверенность, что съемка проходит нормально.

Полученные после обработки негативы требуют самого бережного отношения. Их сохранность обеспечивается условиями хранения. Абсолютно непригоден способ хранения в рулонах. Частое разворачивание царапает пленку. Из рулонов трудно подбирать негативы для какой-либо последующей работы (выставка, стенды, статья, книга). Большинство фотографов сразу же после просушки разрезает пленку на куски по 5—7 кадров и хранит их в специальных пакетах. П. И. Мариковский практикует хранение отрезков пленки в бумажных кармашках, наклеенных на листах старых канцелярских книг. На каждом из них имеется соответствующая надпись о содержании пленки.

Мне показалось весьма удобным хранить разрезанную по 6 кадров пленку в листе обычной кальки, нарезанной по форме стандартного машинописного листа. Калька в отличие от любой бумаги не дает пыли и не ломается при разворачивании. Кроме того, на ней легко делать соответствующие надписи, содержащие описание снятых кадров. Сложенную таким образом фотопленку,

поставив ее на ребро, я храню в широких ящиках картотечного типа. Все негативы следует регистрировать либо на карточках, либо в общей тетради. Каждой странице тетради как раз хватает для описи пленки на 36 кадров. В общем, организация хранения негативов должна преследовать две главные цели: их сохранность и возможность быстро находить в фототеке нужные кадры.

Замечу отдельно, что полезно выделить сразу и хранить в отдельном пакете под тем же номером, что и вся пленка, ее отрезок с наиболее ценными и часто употребляемыми кадрами. Со временем подбирается целый комплект редких фотографических удач.

Цветные обратимые пленки принято сохранять в полиэтиленовых пакетах, а уже отобранные для демонстрации — вставленными в специальные рамочки. Эти обрамленные кадры называют слайдами. Тематические подборки слайдов хранятся в узких ящиках с соответствующим инвентаризационным списком. Само собой разумеется, что и слайды и негативную пленку надо держать в темноте, сухости и вдали от отопительных приборов.

Отбор хороших негативов полезно производить сразу после проявления и подготовки их к хранению. Некоторые фотомастера делают контрольные отпечатки контактным способом и хранят

Строй уток-каменушек. Остров Медный

их вместе с негативами. Это, конечно, хотя и усложняет работу с негативами, но впоследствии значительно облегчает выбор кадров для печати. Надо сказать, что время от времени полезно просматривать негативы, ибо как тщательно ни знакомишься с ними после проявления, некоторые уникальные кадры все же ускользают. Ряд отпечатков с таких «потерянных» кадров демонстрируется и в этой книге.

Технические качества негатива могут быть самыми высокими, но это само по себе не обеспечивает достоинств отпечатка. Мастера фотографии полагают, что качество снимка на 60% определяется позитивным процессом и что при умелой печати даже с посредственного негатива можно получить хорошее изображение. Плохая же печать, наоборот, может испортить отличный снимок. Существуют различные требования к фотоотпечаткам. Например, для стенгазеты или фотостенда не имеет значения размер и качество поверхности снимка. Здесь главное условие — актуальная, содержательная, направленная информация.

Для фотоконкурсов следует придерживаться правил, чаще всего сообщаемых при их объявлении. Обычно на фотоконкурсы принимают отпечатки на бумагах с разными поверхностями (матовые, полуматовые, шероховатые и глянцевые с накатом). Их размер бывает 24×30 или 30×40 см. Нередко при этом требуются контрольные дубликаты. Иные требования к снимкам, направляемым для опубликования в печати. Обычно они делаются размером 13×18 см на глянцевой бумаге с накатом, снимок должен быть четким, сочным, нормально контрастным, с полной шкалой полутонов.

При отсылке фотоснимка необходимо тщательно его упаковать, (проложить картоном) и составить аннотацию. Для этого на его обратной стороне мягким

простым карандашом без нажима пишется дата и место съемки, продуманное название сюжета, исходные данные автора, его домашний адрес.

В последние годы на конкурсы и в печать стали принимать также цветные диапозитивы. Для печати в большинстве случаев используются цветные диапозитивы размером 6×6 и 6×9 см. Главные требования к ним — интересный сюжет, хорошее техническое исполнение, правильная цветопередача.

Весь процесс фотографирования на природе — от самой съемки до получения отпечатков или слайдов — необычайно увлекателен и волнующ. Большое удовлетворение испытывает автор, которому удалось снимки пейзажей и животных. Рассматривая их, он как бы снова возвращается в памятные места, вступает в мир зверей и птиц. Своими фотоудачами ему всегда хочется поделиться.

Результаты фотографирования природы могут использоваться по-разному. Это и составление фотоальбомов, доступных сравнительно ограниченному кругу лиц, и участие в оформлении стендов и выставок, на которых фотографии становятся доступными обозрению множества людей. Особую природоохранительную и воспитательную роль играют снимки, напечатанные в газетах, журналах и книгах. Именно они более всего служат пополнению рядов преданных защитников природы.

Фотографирование природы имеет и научное значение. Не случайно изучение экологии и поведения птиц и зверей теперь почти не обходится без помощи фотоаппарата. В нашей стране издавна, с 1925 года применяются фотографические методы учета колоний альных и стадных зверей, выявления запасов морских и водоплавающих птиц.

Группы
натуралиста-
фотографа

Мой рассказ пойдет о разнообразных по климату и географическим условиям местах нашей Родины и о некоторых зарубежных парках, в которых мне приходилось бывать, выполняя разную работу. Чаще всего это были экспедиционные поездки с целью изучения животного мира.

Я поделился некоторыми своими впечатлениями — натуралиста и фотографа: расскажу об условиях съемки животного мира и природы, попытаюсь дать советы, основанные на собственных удачах и огорчениях, промахах и находках.

Карелия. В этот удивительный по красоте край мне довелось попасть в мае 1950 года. Меня с товарищем пригласили на период студенческой практики поехать с небольшим зоологическим отрядом в северо-западный район Карелии, где находится легендарное Кимас-озеро, связанное с памятью о походе героя гражданской войны Тойво Антикайнена. За период с середины мая и по конец сентября нам удалось обследовать большое пространство от Кимас-озера до озер Куйто. Прошло уже без малого 30 лет с той поры, а я не перестаю удивляться редкостной красоте тех мест. Мой ФЭД не имел сменной оптики, запас пленок исчислялся 20 драгоценными рулончиками. Каждый снимок сопровождался непередаваемым волнением. Но фокусное расстояние в 50 мм позволяло получать лишь прекрасные пейзажи, да изредка — снимки птичьих гнезд. Природа районов, где мы бывали, оказалась совсем нетронутой. Лоси на наших глазах кормились в озерах вахтой трехлистной, даже ныряли за ней. Дикие лесные северные олени часто, не торопясь, уступали нам дорогу в борах-беломошниках. Нередко мы встречали куниц и особенно часто слушали выдровые пискливые концерты на берегах многочисленных озер.

Первую половину экспедиции мы рабо-

тали в районе протянувшегося почти на 40 километров красного озера Нюк. Наш палаточный городок находился недалеко от большого тетеревиного тока. По утрам и вечерам оттуда доносились хоровые бормотанья и чуфырканья многих десятков петухов. Прямо на входа в палатку, как из шалаша, можно было наблюдать за токовищем.

В окружающих озеро моховых болотах было немало белых куропаток. Я много читал об отваге самцов этих птиц, защищающих выводок. Но то, что увидел однажды, запомнилось мне надолго. Белой ночью в начале июня нас разбудил неистовый лай трех собак-лаек, привязанных треугольником, так, чтобы они не могли дотянуться друг до друга. В центре этого треугольника было ничтожное, в один квадратный метр, мертвое пространство. Выглянув из палатки, мы с товарищем буквально остолбенели. На этой «ничейной» земле, перед брызжущими злобной слюной мордами обезумевших псов ходил, задрав хвост и покекекивая, куропац. Как потом оказалось, его гнездо было всего в 50 метрах от палаток. До сих пор жалею о том, что я забыл про фо-

Краски осени

Уральский соболь в вольере

Уссурийский енот

Воробьиный сыч

Рыжая плутовка

Дитя соболя и кувницы — кидус,
житель Урала и Прииртышья

тоаппарат и не снял эту редкостную сцену.

Повсюду было много лебедей. Встречали мы и населяющих лебедушек, и оберегающих птенцов родителей. Конечно, удавалось и снимать, но птицы получались мелковатыми и при последующем увеличении теряли четкость.

Незабываемыми оказались встречи с журавлями. Тогда эта птица была обычной (это сейчас она — кандидат в Красную книгу). В отдельных местах мы подходили на 100—150 метров по открытой местности к крупным стаям. Мне удавалось приближаться на 15 метров, но это расстояние опять же не для короткофокусного «Индустара».

В местах наших странствий было особенно красиво. Может быть, немножко и от того, что в ту пору население там было редким. Поселок от поселка отстоял не меньше чем на 30—50 километров. Обследуя озеро Нюк, протянувшееся на 40 километров, мы заглядывали в самые укромные уголки. Нас восхитила одна из речек по имени Айт-ёки, протекавшая в окружении

настоящих дремучих лесов и хаотически загроможденная стволами деревьев. Хотелось запечатлеть эту необычную суровость, но, увы, не было широкоугольника. А стоило удалиться, как все очарование сказочности пропадало. Но однажды на учетном маршруте нам встретился совершенно замшелый приручейный ельник. Древесные лишайники спускались многометровыми космами. Впереди оказался участок, где упало несколько деревьев, и солнце освещало стволы и лишайниковые гирлянды на стволах. Остановившись в 5—6 метрах от голого, без сучьев комля ели, я навел ФЭД и собирался было нажать кнопку спуска. Как вдруг... Этого момента я не забуду никогда. Как раз туда, куда я нацелился фотоаппаратом, вышел старый громадный глухарь. Бронзовый отблеск шеи и груди, красные брови, да и все обличье этой таежной птицы, освещенной солнцем, дополнялось общим необычайным фоном. Вот это кадр! Снимок века. Где он? Нет, не получилось снимка. Осталось горькое, вечное раскаяние, ибо

Первый вылет сорочонка. Кировская область

Пробуждение

я вдруг отложил фотоаппарат и горяча взялся за ружье...

Это стало для меня уроком, который, пошел на пользу. Хотя я охочусь и по сей день, но про ружье, когда есть возможность что-либо снять, начисто забываю. Во многие экспедиции ружье я теперь вообще перестал брать. И это позволяет устанавливать более тесные контакты с живой природой, дает больше возможностей снимать зверей и птиц.

Сейчас, уже задним числом, я жалею, что не было в продаже в ту пору цветных обратимых пленок. Золотой осенью страна Калевалы вообще становилась цветной сказкой. В сочетании с валунистыми берегами озер леса, быстро меняющие гамму цветов, преображались неузнаваемо. Особенно при закатах. Невольно вспоминались полотна Н. К. Рериха или Рокуэла Кента с их кажущейся необычностью цветовых сочетаний.

Помимо фотографирования, ради собственного удовольствия, мне приходилось делать и научные снимки отдельных местных биотопов¹, гнезд, убежищ, троп, следов деятельности зверей и птиц. И мне не забыть того чувства удовлетворения, которое я испытал, когда руководитель экспедиции Л. П. Никифоров попросил фотопленки для иллюстрации итогового отчета. Правда, техник, печатавший фотографии с находившихся в рулончиках пленок, порядком их поцарапал. Впоследствии я еще дважды отдавал уже другие негативы в чужие руки, и оба раза получал их обратно поврежденными. После этого взял за правило: всегда печатаю сам.

Западная Сибирь. Знакомство с Сибирью произошло вскоре после поездки в Карелию. В конце лета 1951 года

¹ Биотоп — территория, занятая растительной ассоциацией и связанным с нею животным населением.

Вятские ели

Северянки

Белячишко притаился

Вятский волк

меня направили на производственную охотоведческую практику в Уватский ондатровый промхоз. Место, где предстояло полгода находиться, оказалось весьма интересным. Иртыш, Демьянка, Туртас и другие реки, текущие в пределах промхоза, богатая кедровым орехом, зверем и птицей тайга, пограничные ареалы соболя и куницы — все это и воодушевляло, и увлекало, и настраивало соответствующим образом.

Конечно, был со мной и фотоаппарат. Правда, с пленкой в ту пору отмечались перебои, и я находился на голодном пайке, достав всего 12 роликов. Пользовался пленками разной чувствительности, и тогда еще на собственном опыте убедился, как это неудобно.

Край хоть и оказался богатым дичью, но фотоохотой заниматься, конечно, не удавалось. Снимки были в основном экологического содержания — биотопы, следы деятельности зверей и птиц. Кроме того, как охотоведу-практиканту, приходилось делать фотографии и на производственные темы. Некоторые из этих кадров оказались неожиданно кстати. В мою обязанность входило принимать по акту избушки, построенные штатными охотниками промхоза. Главный бухгалтер обычно весьма осторожно подходил к оплате за эту работу. Когда возникла очередная волокита с оплатой, то сразу помогли мои снимки избушек, расположенные на стол недоверчивого главбуха.

Впрочем, шансы снять зверей у меня все-таки были. В районе держалось немало волков. Зимой по глубокоснежно, особенно при тонком насте, не держащем зверя, едес иногда практикуется загон по следу. Важно лишь поднять с лежки серых разбойников и не дать им выбраться на какую-либо дорогу. Я тоже мечтал погоняться за ними. Однажды поднял одиночного отдыхающего зверя и, хотя наста не было, сумел нагнать его и приблизиться к уста-

На просторе

Лесные столбы

Глаза весны

Прибой

лему волку почти на 30—40 метров. Но преследование происходило в таком густом осиннике, что даже стрелять было невозможно. Продолжая погоню, я рассчитывал подойти на верный выстрел, но на пути попались еще три зверя. Они поднялись с лежки и со свежими силами добрались до дороги, уведя с собой, казалось бы, обреченного сородича.

В ту зиму мне везло на встречи с волками. Как-то, заночевав в селе Мишино, что лежит на правом берегу Иртыша против Увата, я утром с рассветом отправился принимать от охотников соболей, заменяя заболевшего заготовителя. В центре просыпающегося села (а уже светлело и даже можно было фотографировать) на моей дороге появилась странная собака. Мелькнула мысль, что это волк, но я ее отбросил. Собака не бежала, как все псы, а делала несколько прыжков и останавливалась вполоборота ко мне. На всякий случай я зарядил ружье картечью и решил, что буду стрелять, когда она пойдет за околицу. Про фотоаппарат я в те минуты и не вспомнил. Но волк — а это, конечно, был он — оказался сообразительнее. Перед околицей зверь столь стремительно метнулся в сторону леса, что я лишь «пропуделял» неприцельным дуплетом ему во след.

Очень жалел я, что не было телеобъектива, когда осенью шел пролет птиц, и вдоль Иртыша армадами шли гуси, во множестве летели пернатые хищники. Часть из них задерживалась на перепашиваемых полях, чтобы полакомиться водящейся в изобилии в тот год водяной крысой. Мы с охотником-промысловиком И. Е. Толстогузовым ставили капканы на этого зверька, и я наблюдал удивительную картину. Неподалеку, следуя за трактором, вились стаей грачи, вороны, лунь и, что особенно интересно, подорлики и около десятка орлов-бerkутов. На тракториста они почти

не обращали внимания, садились прямо за плугом и, торопливо хватая выбегающих зверьков, вновь замыкали на десяток метров вверх. Было солнечно, и, конечно же, при телеобъективе мож-

но было бы снять редкие моменты охоты этих красивых птиц.

В Уватском районе, несмотря на трудности зимней съемки, проходившей при пасмурной погоде и сильных морозах, мне удалось получить несколько хороших кадров, а главное — пополнить опыт фотографирования.

Особенно помогли походы по тайге с местными охотниками. Например, охотник-любитель Григорий Баранцев слыл соболятником. Не одну сотню километров прошли мы с ним по соболюму следу. Он специально оставлял зверька на низкой осинке, чтобы мне его удалось запечатлеть. Однако пасмурные дни и опять же отсутствие телеобъектива не позволяли получить что-то путное. Доступны были лишь узоры следов соболя, куницы, колонка.

Значительно позже я использовал эти фотографии для оформления отчета на практике. Вместе с другими темами фотоиллюстраций их набралось 90 штук. При защите отчета на кафедре в Балашинке они получили одобрение тако-

Ленские просторы

Американская сосна. Штат Джорджия, США

Камчатские джунгли

го мастера фотографирования в природе, как С. Д. Перелешин.

В Тулапорской тайге. Много лесов у России. Воспеты их красоты, теннстая прохлада в летнюю жару, спокойная тишина в зимнюю злую метелицу, дурманящий воздух весны и бодрящая свежесть золотой осени. Однако фотографу под пологом леса без специальных подсвечивающих устройств обычно сделать удастся немного. Приходится искать случая или бродить по опушкам или берегам молчаливых рек в поисках хоть какой-то возможности раздвинуть перспективы съемки. Правда, не все леса совершенно непригодны для фотографирования под их сенью. Березовые рощи светлы и лучезарны. Ощущением простора полны сосновые боры-белошники. Светлый агель в них

Розы Камчатки

играет роль подсветки. Предостаточно света и в своеобразных, словно застывших в мрачной корявости саксауловых лесах Средней Азии и Казахстана.

В конце сентября 1973 года во время отпуска я решил побывать в заповедном, никогда не рубленном человеком лесу на северо-западе Кировской области, на границе с Коми АССР. Здесь по инициативе ВНИИ охотничье-

го хозяйства и звероводства был учрежден заказник.

Последняя проезжая дорога ограничивается поселком Тулашор. Дальше дорог нет — одни тропки и узкие просеки. Слегка наживаясь, скрывается в лесной чаще речка Федоровка — приток Вятки. Тропинка ведет дальше и дальше, сторонами возвышаются дремучие ели, у которых, кроме ураганных

Синица-ремез

Дроздовидная камышовка у гнезда. Кубанские плавни

Усатая синица

Куропач

Портрет кукушки. Прибалхашье

Легко снимать у гнезд. Сверчок. Прибалхашье

ветров, нет никаких недругов. Сфотографировать такую развесистую замшелую красавицу непросто. Выручить может лишь «Горизонт». Обыкновенный широкоугольник «Мир-1» не справляется с задачей, и я жду подходящей полянки или широкой налучины. Наконец открывается широкий плес, слышится шум воды. Оказывается, это бобры позаботились о своем благополучии, создав удобные подплывы к осиново-березовому мелколесью.

Самых хозяев не было видно. В этом отношении нам повезло меньше, чем фотографам-натуралистам в Северной Америке: тамошние канадские бобры, нередко трудятся и днем, и их не столь уж сложно подкараулить.

Здесь, на краю плеса художник-природа развернула огромное полотно осеннего цветового разнолесья. Выглянуло на очистившемся от туч небе солнце и зажгло на нем золотые, оранжевые, малиновые, красные и изумрудно-малахитовые огни. Успеваю зарядить цветную обратимую пленку и успешно сфотографировать эти незабываемой красочности и осенней праздничности картины.

Теперь снова в путь. Дорога пошла вдоль реки. Заводы, омуты удивительно знакомы. Да это же из васнецовской «Аленушки»! Вятская природа необычно впечатляет. Недаром здесь черпал вдохновение великий природописец И. И. Шишкин. Бродя по лесам Вятчины, я не раз ловил себя на том, что, может быть, здесь в этом месте писаны им «Лесные дали», «Сосны, освещенные солнцем» — настолько похожи бывают здешние пейзажи на выдаю-

Каменка. Прибалхашье

щиеся полотна русского художника. Мой поход по Тулашорским лесам длился несколько дней. То и дело вспугивал я глухарей, тетеревов, рябчиков, слушал и любовался, попадая в плен к синичье-пищухово-дятловой стае. На отмелях речки видел следы выдры и норки. Но никто не захотел позировать. Однажды только микроптика-королек спустилась на ветви елочки на уровне моих глаз и в метре от меня копалась между хвоинок, проводя свою санитарную работенку крохотным клювиком. К сожалению, было уже темновато, и экспонометр показал, что сфотографировать эту милую пичугу я не смогу.

Впрочем, мне было довольно радостно и от того, что я увидел. Разве натуралист-фотограф может огорчаться, если он зарядился вдохновением и решимостью снова вернуться в этот мир красоты? И кто знает, не повезет ли тогда на удачные фотовыстрелы по обитателям этого таежного Тулашорского леса? Однажды, как мне рассказал охотевод и фотограф А. Н. Корякин, в начале августа он спускался на лодке по речке Лобань на юге Кировской области. Впереди показалась опушка леса, вплотную подвинувшаяся к реке. На ветвях березы сидела крупная хищная птица. Оказалось, что это филин, в обычных

Пернатый гигант-пеликан

Горная тундра

Букеты Охотского побережья

Туранговая роща. Прибалхашье

Саксаул

условиях необычайно осторожный хищник. Здесь же филин позволил приблизиться человеку на 15 метров, что для фотоснайпера с «Таиром-3» было вполне достаточно.

Бывали и у меня такие удачи, но больше со зверями. Однако реализовать подобные счастливые возможности без боеготовности номер один нельзя. Счастье таких неожиданных встреч длится порой считанные секунды.

Десять лет назад я сидел в кабине уазика, возвращавшегося из Прибалхашья. Кругом мелькала пустыня — редкие кусты терескена, верблюжья колючка и прочая невзрачная растительность. На коленях лежал наготове «Зенит» с МТО-500. Уже много часов я его держал, но не было ничего достопримечательного. Джейраны мелькали слишком далеко. Большие песчанки, хотя и сидели у нор прямо рядом с

Водопад Зонго. Заир

Бегемоты отдыхают. Заир, Вирунга

Слон в саванне Вирунга

колесей, не боясь машин, но стоило затормозить, как все они исчезали под землей. Впереди показался саксауловый лес. На его опушке я заметил выскочившего зайца-толая и, интуитивно чувствуя, что он остановится, попросил шофера притормозить. Так и вышло. Заяц сел и несколько секунд не шевелился. Мне хватило времени, не слезая, прямо из кабины через открытую дверь «выстрелить» короткой очередью в шесть кадров. Один из них оказался по-настоящему удачным.

Путешествие к Ленским столбам. Судьба привела меня в начале августа 1970 года в город Якутск, откуда со своими коллегами по проверке работы Якутского отделения ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства мы на субботу и воскресенье сделали вылазку в приленскую тайгу. Всю ночь теплоход, натужно преодолевая встречное течение этой великой российской реки, стремился к югу. Когда минули полторы сотни километров, широкая низменная долина Лены стала сужаться. На берегах

вырастали холмы, затем появились скалы-останцы. Семья скал умножалась и росла ввысь. Скоро теплоход уже плыл у основания причудливого частокола выветриваемых песчаников. Не на одну сотню метров вверх вздыбились своеобразные природные минареты, замки, скульптурные портреты диких зверей. Могучая тайга казалась мелкой порослью.

Когда нас вместе с группой остальных пассажиров на несколько часов высадили отдохнуть, искупаться в чистой и, как ни странно, теплой воде Лены, мы первым делом помчались по берегу и поднялись по крутым ущельям вверх. Несколько фотопленок было прощелкано за пару часов. Хотя снимал я только пейзажи, но был донельзя обрадован возможностью не только любоваться ими краткое время, но и сохранить на память грандиозный природный ансамбль этого далекого таежного края. В тени туранговых рощ. На следующий год мой путь лежал в страну степных просторов — Казахстан. Очень памятен

Осень в отрогах Джунгарского Алатау

Уголок Камчатки

Молодой белый песец с острова Верхотурова

остались мне своеобразные рощи из туранга, которые приходилось иногда навещать, бывая в дельте реки Или. Походить по ним с фотоаппаратом как следует не пришлось, но этот замечательный лес останется в памяти как богатейшее место для будущих фотоохот. Турангой называют разнолистный тополь. На коротких побегах у него листья почковидные, с коротким острием и цельнокрайние, а на длинных — ланцетовидные.

Растет туранга не только в одиночку на песчаных буграх или вкрапленная в заросли тугаев и саксаульников, но и образует целые рощи в несколько километров длиной. Наиболее крупная роща, называемая Джельтуранговой, простерлась в длину почти на 10 км и в ширину на 5 км. Правда, в отличие от настоящего леса туранговые рощи не тянутся единым сплошным массивом. Иногда в них вклинивается груп-

па межрядовых озерков, и тогда они распадаются на многие группки деревьев, между которыми блестят окна водоемов.

Если в туранговую рощу попадаешь после изнурительной пыльной дороги через пустыню, то она кажется особенно прекрасной, поскольку дает сразу и спасительную тень, и успокаивает дорожную возбужденность нежными переливами зелени. Совершенно особые чувства охватывают человека, находящегося под пологом раскидистых туранг, в тихую июньскую ночь. Правда, тишина относительна. Ее беспрерывно нарушает соловей, ему вторят варакушка и козодой, как во сне разговаривает кукушка.

Но наступают иногда паузы, в которые, словно сговорившись, все смолкает на несколько мгновений. И вот в эти короткие минуты вдруг становится слышен непонятный то ли шорох, то ли

шепот. Я до сих пор не могу разгадать причину, его порождающую. Может быть, это шевелятся птицы, нашедшие ночной приют в ветвях деревьев, или само дерево расправляет пропитанные знойным солнцем листья и ветки и начинает беседу со своими соседями. Снова слышится громкая соловьиная трель, налетает полуночный ветерок, шелестят травы, ночь кончается...

Большой знаток дельты Или В. А. Грачев, проживший в этих местах почти полтора десятка лет, с какой-то особой любовью рассказывал о туранговых рощах. Мне была понятна его, орнитолога, увлеченность. Ведь туранги дают пристанище огромной массе птиц. И каких птиц: в раскидистых кронах на высоте в 15—20 м вьют громадные гнезда орланы белохвосты и долгохвосты, беркуты, орлы-карлики. Здесь размещаются колонии грачей. Несколько ниже, там, где на стволе появляется масса дупел, поселяются совы, галки, скворцы, элегантные, словно припудренные пустынной пылью саксаульные воробьи, различные синицы, дятлы и многие другие пернатые. Получается нечто вроде многоэтажного здания. Следует заметить, что, пожалуй, нет другого, подобного туранговому, леса, где самые разнообразные птицы были бы так доступны глазу натуралиста и фотографа. В национальных парках Заира. Весьма специфичны условия работы фотографа в Африке, под экватором. Здесь ярко светит стоящее в зените солнце, почти не бывает туманной погоды и затяжных дождей. Тропические ливни собираются, как правило, во второй половине дня и ночами. Жарко. Наиболее удобное для съемки утреннее и вечернее время в отличие от наших мест настолько кратко, что зачастую не успеешь оглянуться, как солнце либо в зените, либо за горизонтом.

В общем, круглый день неблагоприятное вертикальное освещение. Немаловажно

и то, что попадающему в эти края туристу приходится счет времени вести на секунды. Поэтому здесь необходимо быть готовым к ходовой, а чаще всего к ездовой съемке. Фотопленка — лучше повышенной чувствительности. Часто бывают нужны телеобъективы и широкоугольники. Целесообразнее иметь при себе «Таир-3» и «Мир-1». И конечно, надо брать два фотоаппарата, так как чрезвычайно обидно оказаться безоруженным, попав в окружение необычных, редких экспонатов и видов. Учитывая богатство красок, присущих тропиче-

ским странам, туда следует обязательно брать и цветную обратимую пленку. В сентябре 1975 года группе советских ученых, принимавших участие в работе очередной XII Генеральной ассамблеи Международного союза по охране природы, была предоставлена возможность побывать в двух национальных парках на востоке Заира — Вирунге и Кахузи-Бьеха. За несколько часов мы перенес-

лись из столицы страны Киншасы на восток, и первым отправным пунктом был городок Гома, расположившийся на берегу живописнейшего озера Киву. Отсюда мы мимо действующего вулкана Ньи́ро-Гонго на микроавтобусах помчались в заповедник Вирунга. Центральная база его, аккуратный поселок Руинди, приютил нас на несколько дней. Отсюда, позавтракав в полутьме начинающегося утра, мы отправлялись в саванну и редколесье. Для удобства наблюдения за природой и животным миром на крыше микро-

автобуса раздвигался широкий люк, и все пассажиры могли осматривать и фотографировать местные достопримечательности.

Саванна оказалась лучшим местом для съемок. Исключительно насыщенная жизнью, она давала возможность беспрерывно что-то видеть и фотографировать.

Ранним утром мы видели стада бегемотов, возвращающихся с ночных пастбищ в спасительные водоемы, слонов, кормящихся саванным разнотравьем, огромные стада буйволов, антилоп топн,

«Речь» бургомистра.
Остров Беринга

Скала Бакланья. Курилы

болотных и водяных козлов. В сентябре здесь весна. В преддверии более жаркого лета происходят брачные ритуалы у птиц. Над саванной носятся длиннохвостые вдовушки и дронго. Подают голос орлы-крикуны. На берегах водоема сидят марабу, цапли-голнафы, малые фламинго и многочисленнейшие нильские гуси. Встречается много ценных журавлей. Глаза разбегаются, а время ограничено. Кого же снимать? На ходу ой как неудобно прицеливаться! Все низкорослые звери и птицы почти не видны. Часто встречающиеся свиньи-бородавочники выдают себя лишь задранными хвостиками, торчащими из травы. В ее порослях едва различимы семейные группки мангустов и прочих виввер.

Конечно, если бы заняться ходовой фотоохотой с выжиданиями, то здесь трофеев было бы больше. Но правила национального парка жестки. Лишь на редких пятачках разрешается с ведома охраны вылезти из машины и пощелкать миролюбивую живность. Приходится не упускать ни одной возможности. Перезарядка пленки — на бешеной скорости машины. Если обрыв, то

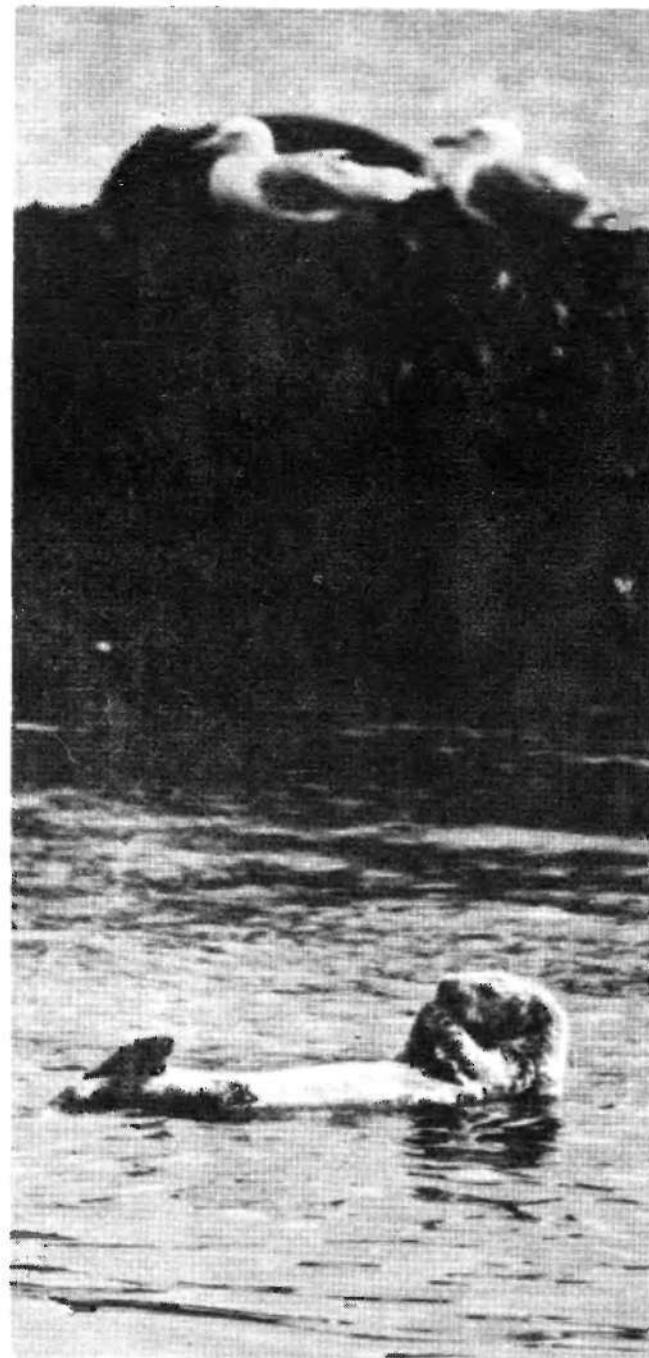
помощь рукава совершенно необходима. Накапливаются трофеи — груда бегемотов в мелкой речке, подозрительно глядящий на фотографа слон, группа львов, нехотя поднявшихся при приближении машины. А сколько не снято! Так хотелось получить кадры с синими блестящими скворцами, вдовушками. До них надо пройти всего каких-то полсотни метров, но они абсолютно запрещены для нас.

Однако за два дня активной фотомотоохоты удалось получить несравненное удовлетворение. Правда, встречались и технические промахи. В основном передержки. В целом же в ящиках фототеки прибавилось около четырех десятков цветных обратимых и черно-белых пленок, привезенных из самого сердца Африки.

Помимо открытых ландшафтов саванного типа, мы побывали и в настоящем горном тропическом лесу национального парка Кахузи-Бьеге, что находится в нескольких десятках километров от города Букавы. Съемки в тропическом лесу не отличаются, по существу, от съемок под пологом густой темнохвойной тайги. Здесь полумрак. Редко где

Уголок птичьего базара.
Остров Медный

Редчайшая встреча — белый калан. Остров Медный

Взлет пеликанов. Прибалхашье

Глупыш заходит на посадку

Тростниковый купак

Турухтан. Прибалхашье

прорывается солнечный луч. Тепло и влажно. И хотя всевозможная живность дает о себе знать криками, шумом, треском, снять ее трудно. Все как за занавесом из лиан, иногда густого частокола бамбуков. Только на опушках и берегах многочисленных рек приоткрывается джунглевый полог. Более 4 часов мы шли, ведомые проводником-пигмеем, прежде чем сумели обнаружить одну семью горилл. За это время не было ни одной возможности снять что-либо живое. Ну, а про неудачу со съемкой горилл, я уже писал.

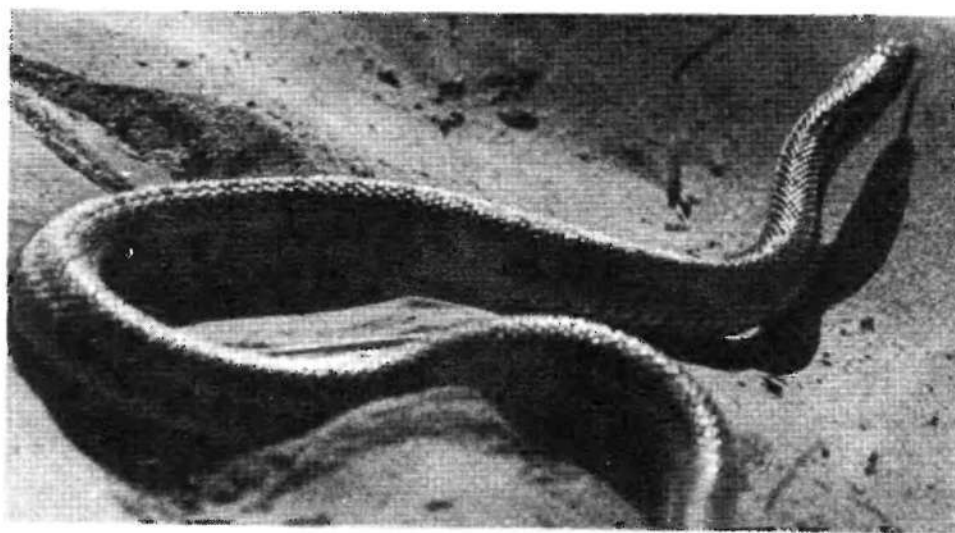
Видимо, для таких фотокспедиций надобно прихватывать с собой самую сверхчувствительную пленку. Вообще снимать в лесу обезьян невозможно. Мы были в районе, где много знаменитых колобусов и мартышек-верветок. И только бабуины, часто выскакивающие на опушки, иногда успевали попасть в кадр. О присутствии остальных обезьянок мы лишь были оповещены возней в кронах деревьев и неясным мельканием среди ветвей. Общий вид экваториальных джунглей мне удалось видеть и снимать через лю-

минатор самолета. По нашей просьбе летчик заирского пассажирского самолета десяток минут не набирал высоты, и мы смогли не только оставить в зрительной памяти грандиозность тропического леса, но и сделать удовлетворительные снимки и слайды.

Прибалхашье. Первое знакомство с Прибалхашьем у меня состоялось в начале осени 1960 года. Накануне я только что вернулся на материк с пронизываемых штормовыми ветрами, туманных и прохладных Командорских островов. И сразу же поездка на юг, в царство

Пустыня. Прибалхашье
Узорчатый полоз. Прибалхашье

солнца, раскаленного воздуха. Вместо соленого привкуса морских брызг — сладковато-соленая лёссовая пыль, пудрой устилающая прибалхашские дороги. Впоследствии на протяжении многих лет мне довелось часто испытывать контрасты этих двух различных по

климату, но по-своему исключительно интересных районов. После Командор я сразу же ехал в экспедицию на Балхаш, и наоборот. В этой смене обстановки было много захватывающего, но и возникала нужда быстрой перестройки в столь различных условиях фото-

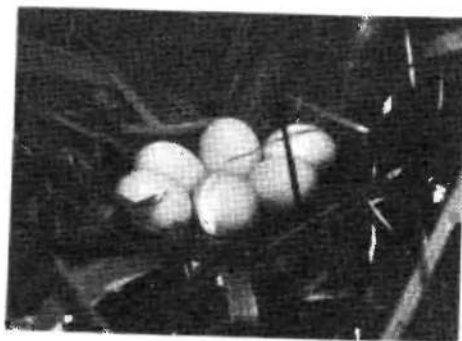

Плывущая ондатра
Ондатра завтракает

съемки. Особенно внимательно приходилось относиться к определению экспозиции. Сознаюсь, что без экспонометра здесь было невозможно избежать ошибок. Но зато оба этих района, сколь далеко друг от друга они ни находились, объединяло одно — исключитель-

ное богатство природы, кипучая, открытая жизнь их обитателей. Так что возможностей для охоты с фотоаппаратом и там, и здесь было предостаточно.

Вернусь, однако, в Прибалхашье. Надежное воздушное такси — самолет

АН-2 — два с лишним часа летело из Алма-Аты вдоль ленты мутной реки Или, сдавливаемой с обеих сторон прибалхашскими пустынями. Внизу проплывала причудливо запутанная система протоков и озер Илийской дельты. Где-то впереди в неясном мареве начиналось огромное светлое казахское море — озеро Балхаш. Спустя несколько часов после того, как наш самолет, оставляя густую дымовую завесу из пыли, остановился на окраине поселка Карои, я пересел на моторную лодку и

затерялся в безбрежных тростниках. Наша моторка мчалась вниз по течению по узким протокам, над которыми арками с одного берега на другой перекидывались огромные тростниковые стебли, и вдруг выносилась на простор широких плесов. Для меня начиналось открытие одного из замечательнейших уголков страны.

С той поры прошло уже немало лет, но я не перестаю удивляться этому краю и каждый раз находить в нем что-то новое, необычное. В полюбившемся

уголке природы, как и в любимом человеке, хочешь видеть только хорошее. Не проходит и недели с момента моего возвращения из очередной балхашской экспедиции, как из памяти исчезают и полчища надоедливых кровососов, и летний изнуряющий зной, и пронзающий холод предзимья. Сохраняется только все светлое и радостное, что навеивает общение с удивительнейшей природой Прибалхашья. А край этот, действительно, неповторимо прекрасен. Моря тростниковых зарослей и непроходимых тугаев по берегам протоков реки Или раскинулись на сотни тысяч гектаров. Каких только зверей и птиц нет в них! Недавно еще здесь властвовал тигр. Люди не сумели сберечь этого красивого и гордого хищника.

По лабиринтам тугаев, в почти непролазных чащах тростников бродят кабаны. Прибалхашские кабаны-секачи отличаются весьма свирепым нравом. Его испытывают на себе многие неосторожные охотники и их собаки. Вряд ли где-либо еще, кроме дельты Или, можно встретить в естественных условиях столько косуль (ласковое местное прозвище этого симпатичного зверя — «елик»). Плотность населения косуль здесь, пожалуй, больше, чем плотность зайцев в среднерусских лесах в средний по их урожайности год. Когда проходишь по тугаям, то и дело в стороне мелькают светло-серые тени косуль. Зайцев здесь тоже немало. Их зовут толаями, а относятся они к иному виду, нежели наш русак или беляк.

Из граничащих с дельтой Или прибалхашских пустынь забредают стада антилоп — джейранов и сайгаков. В угодьях дельты встречаются барсуки, лисы, юрки, ростом с горностая, солонгои.

Разнообразно птичье население края. На глухих участках гнездятся розовый и серый пеликаны, лебеди, белая и серая цапли, колпики, гуси. Масса уток

Утинье стан. Балхаш
Ушастый еж. Прибалхашье
Гнездо малой выпи. Прибалхашье

Удод. Прибалхашье
Ремез за постройкой гнезда, ведет себя доверчиво

и лысух оседает для выведения потомства. Весной и в первой половине лета эти места полны всевозможных птичьих звуков — от буханья выпи и скрипа лысухи до разудалой песенки крошечной, но удивительно красивой varaкyшки. Осенью и весной над россыпями тростников и рогозов проносятся бесконечные перелетные птичьи стаи.

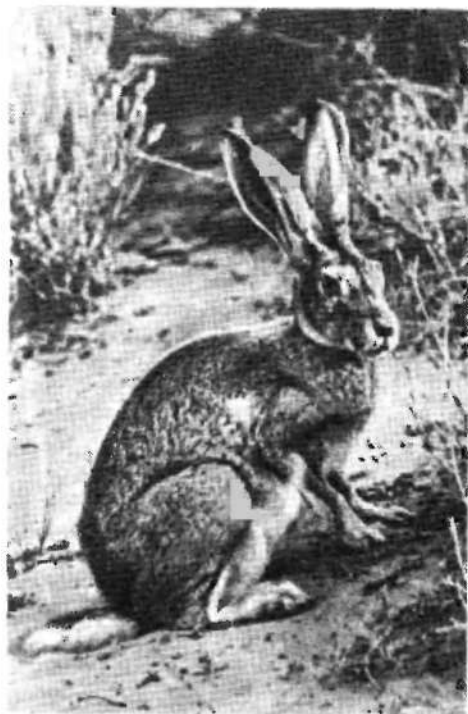
Одна из достопримечательностей Прибалхашья — сохранившийся в небольшом количестве семиреченский фазан, самый крупный и яркоокрашенный из подвидов фазана в нашей стране.

В 1935 году в пустующую «коммунальную квартиру», или, как говорят экологи, биоценоз, Балхаша и дельты реки Или был поселен младший брат речного бобра — ондатра. Этот ценный пушной зверек, шкурки которого пользуются большим спросом, нашел здесь

Молодой сорокопут позярует. Прибалхашье
Заяц-толай. Прибалхашская пустыня

Царство котиков и чаек

после Северной Америки вторую родину. За несколько лет его численность возросла во много раз, что позволило начать массовый промысел. Было создано специальное предприятие — Балхашский ондатровый промхоз. В безлюдных доселе тростниково-тугайных дебрях дельты ондатроловы начали прокладывать свои рабочие тропы, основывали поселки. В настоящее время это хозяйство одно из самых крупных поставщиков пушнины в стране.

С появлением в Прибалхашье ондатры возникли дополнительные возможности для фотосъемок. Сами ондатры — очень интересный объект для фотоохоты. Они же оказались и в роли своеобразного ландшафтообразователя. Теперь этот край трудно представить без следов их деятельности. И когда пролетаешь над необозримыми престолами тростниковых морей, то видишь, насколько заметно вошел сюда и освоился новый жилец. Вся площадь тростников, некогда представлявшая однообразную массу

ныне изрезана темными кружками, соединенными между собой нитями. Этот орнамент — дело лап и зубов ондатры. В центре кружка копной возвышается до полутора, иногда даже до двух метров хатка ее семьи, а вокруг образуется небольшое круглое озерко в результате выгрызания водной растительности. Все хатки соединены между собой нитями ходов. А ведь, кроме основной семейной, ондатры делают несколько десятков кормовых хаток и хаток-кладовых, в которых впрок на зиму запасливо укладываются сочные корневища и конусовидные сладкие ростки тростника. В общем, пара ондатр со своим потомством сооружает до наступления зимы целый микрогородок. Ондатра, создав многочисленные мелкие плесы, оказала невольную услугу фотоохотникам. Сколько раз, сидя на краю такого плеса, я снимал обитателей тростникового царства.

Вообще же условия для съемок здесь, в Прибалхашье, отменные. Солнца —

главного друга фотографов — с избытком. Дождей почти нет. Летом на байдарке, а зимой по крепкому льду можно проникнуть в самые укромные уголки. Здесь легко сочетать фотографирование из укрытий с активной съемкой с подхода. Стоит приткнуться к куртине тростника, сесть спокойно, как появляются гости. Первыми прилетают синицы-ремезы и белые лазоревки. Затем с озорным щебетаньем тебя окружает группа усаых синиц. Показываются из глубины зарослей то камышница, то пастушок. Нередко выплывают любопытно-осторожные лысухи. Не исключена встреча с кабанами. Не один раз к байдарке по тростниковым завалам приближался юркий солонгой и, конечно же, ондатра. Весной, в период размножения и поздней осенью зверьки активны и днем. Такими их делают интересы продления рода, а в другом — предзимные заботы.

Хотя ондатры обычно осторожны и, лишь слышат треск, всплеск или ка-

кой-либо другой звук, как ныряют и уплывают прочь. Но иногда ведут себя весьма спокойно.

Я вспоминаю, как однажды в мае 1961 года ставил живоловушки для отлова и кольцевания зверьков на протоке Нарына. Возле тростника заметил обдавшую ондатру. Когда я подплывал к месту кормежки, она нырнула, а я ухватился за пучок тростника, положил его под себя, чтобы байдарку не уносило, и стал ждать. Зверек вскоре вынырнул, вылез на кочку в метре от меня и принялся с аппетитом грызть корневище. Снимать сверху мне не захотелось. Совсем не смотрятся животные, сфотографированные в таком ракурсе. Они всегда выигрывают при съемке на уровне их тела или даже чуть ниже. Поэтому, поставив диафрагму на 8 и минимальное расстояние, я опустил фотоаппарат за борт на уровень поверхности воды и стал подряд щелкать. Удивительное дело: зверек не

реагировал. Закончив грызть принесенный кусок корневища, он снова нырял и нырял.

Так снимал я до тех пор, пока ондатра не насытилась и не поплыла прочь по своим делам. У меня же по счетчику кадров было зарегистрировано 12 ее портретов. Из них почти все оказались удачными и впоследствии неоднократно использовались для иллюстраций.

Всегда надо иметь с собой готовый к работе фотоаппарат. Это непреложное правило. Иначе выпавшая удача встретит зверя или птицу совсем рядом оборачивается горьким сожалением, как это вышло у меня осенью 1965 года.

Я плыл на байдарке по протоке Кугайский Нарын. Совсем рядом — если не рукой, то веслом подать — стояла стена тростника. Почти весь лист с него под напором настойчивых октябрьских ветров упал и образовал шуршащую подстилку.

Внезапно где-то в глубине тростниковой чащи послышался сильный шум, который, нарастая, приближался в мою сторону. Я остановил байдарку и стал ждать. Судя по тому, как громок был шорох и треск, по тростникам ломился в лучшем случае кабан. И каково же было мое удивление, когда шум вдруг стих и совсем рядом вместо ожидаемого кабаньего клыкастого рыла на протоку из частоккола стеблей тростника глянула миниатюрная мордочка миловидного зверька, величиной с горностая.

Солонгой — а это был он — посмотрел по сторонам, не заметил меня и стал пробовать лапой упавшую в воду в сторону противоположного берега тростинку. По мнению зверька, тростинка оказалась достаточно крепкой, чтобы послужить своеобразными мостками, он легко шел по ней, даже не балансируя, затем вошел в воду и сплавал на другой берег. Там он скрылся на мгновение, пошумел с прежней силой, но,

Каланы уходят в воду

Каланыха — очень заботливая мать

Портрет калана. Остров Медный

Размолька. Самец и самка тундрной куropатки. Остров Медный

Пестрое платье самки куropатки. Остров Медный

очевидно, не нашел того, что надо, и вернулся проверенным путем. Примечательно, что солонгой точно пришлыл к концу того же стебля тростника и по нему взобрался на берег. Здесь я не выдержал и коротко свистнул. Зверек остановился, замер, глядя настороженными глазками-бусинками в мою сторону, а затем не спеша побегал с прежним, но на сей раз удаляющимся шумом обратно. Я очень сожалел, что фотоаппарат был незаряженным.

Потом встреч с этим необычайно ловким и грациозным зверьком было немало. Все они отличались каким-то особым своеобразием и неожиданностью. Но такой удобной возможности хорошо сфотографировать зверька у меня уже не было.

Из других зверей в Прибалхашье удобно снимать ушастых ежей, песчанок и сусликов. Надо только не торопиться. Так, один раз весной, проходя северным каменистым берегом Балхаша, я заме-

Дыхание Плутона Камчатка

Опаленные дыханием Плутона. Камчатка

тил скрывшегося в камнях суслика. Хотя времени было не очень много, все же решил подождать минут 10, подойдя поближе к его убежищу. И не напрасно. Уже через 3 минуты зверек показал мордочку и вскоре вылез как ни в чем не бывало и стал лакомиться травинкой. Осторожно нагнув «Телемар-22», я снимал его то на черно-белую, то на цветную обратимую пленку. Кадры получились очень удачными.

До сих пор сожалею, что однажды при зимнем выезде в Прибалхашье не захватил с собой телеобъективов. Суровая снежная зима на Тянь-Шане согнала с гор лис, и огненно-красные, отличные от серых степных зверей красавицы устремились на берега гостеприимного и богатого кормами Балхаша. Против нашего стана в какой-то полусотне метров постоянно держалось несколько лисиц. Они подбирали остатки нашей кухни, тушки ондатры и нередко копались на помойках среди дня. Мы их не

Царство скал

трогали, взяв издавна за правило не охотиться близ стана. Словно понимая это, они лежали, свернувшись клубком на льду под противоположным берегом протоки, словно дразня. В другие зимы, когда и телевики оказывались со мной, такого благоприятного случая уже не выпадало.

Огромные пространства тростникового моря Прибалхашья населяет исключительно богатый и своеобразный мир пернатых. Как арена жизни, тростниковые заросли представляют большие возможности для гнездования, кормежек и защиты. Многие птицы настолько тесно связаны в своей жизнедеятельности с тростником, что их даже трудно представить в других типах угодий. На протяжении всего года на берегах озер и проток, окаймленных густыми тростниковыми зарослями, проходит жизнь десятков разных птиц, представленных

здесь не менее чем 60 видами. Наиболее тесно связаны с тростниками Прибалхашья 34 вида. Здесь можно увидеть и крошечную синичку-ремеза и огромного пеликана. А какое сочетание красок в их оперении! Красавец селезень-краснобаш и изумрудно-лазурный зимородок, стройная и ослепительно белая цапля и черная как смоль лысуха. Все они по-своему красивы и интересны. В тростниковых зарослях, на отдельных островках-барханах можно часто встретить и необычных вроде бы для этих тростниковых мест птиц — ласточек, воробьев, щуток или кукушек.

Одной из самых заметных и шумливых групп птиц здесь являются водоплавающие. С прилета весной и до ледостава осенью в тростниках гомонит и плещется утиное племя. Наиболее яркий и многочисленный вид из уток здесь, ко-

Долина реки Голыгнна Камчатка

нечно, красноносый нырок, по-местному — краснобаш.

Его любимые места обитания — озера с берегами, поросшими тростником, присутствием купаков, тростниковых заломов. Пора любовных утех для краснобаша наступает сразу после прилета. Еще проносятся потоком пролетные стаи, а краснобаша уже разбиваются на пары или небольшие группки. То здесь, то там замечаешь гонящихся в страстном азарте за уткой селезней. Часто он нагоняет в воздухе свою избранницу и удерживает на мгновение клювом, словно приглашая присесть на одно из мелькающих внизу озерков. Если утка не отвечает на это приглашение, селезень пытается, делая вид, что садится, достичь того же результата. В полете парочки приятно переговариваются. К паре, присевшей в конце концов на водоеме, подлетают и другие красно-

баша. Если спокойно сидеть под пологом склонившихся стеблей тростника, то вскоре можно увидеть интересные сценки. Однажды в начале апреля 1966 года на озерке Терескен я наблюдал и фотографировал группу в 10 краснобашей, среди которых было только 3 самки. Утки явно наслаждались проявляемым к ним вниманием, часто гонялись то за одним, то за другим селезнем, пытаясь их ущипнуть. Иногда они при этом запрокидывали назад голову и слегка игриво открывали клюв. Часто, как по команде, утки засыпали или скорее делали вид, что засыпают. Прятали голову под крыло и 3—5 секунд дремали.

«Соискатели» между тем поражали исключительной терпеливостью. Они покорно сносили, все «измывательства» уток. Никакого антагонизма селезней друг к другу мне видеть не пришлось.

Бухта Запалата. Остров Медный

Край земли. Остров Медный

Командорские контрасты

Медновский пейзаж

хотя я сидел на своем наблюдательном пункте около двух часов.

Среди водоплавающих птиц здешних мест есть одна очень интересная группа. Речь идет о чрезвычайно своеобразных представителях отряда веслоногих — бакланах и пеликанах. Они — благодарный объект для фотоохоты.

В Прибалхашье встречается на гнездовье большой баклан, розовый и серый пеликан. Хотя колонии этих птиц относительно редки, сами птицы часто попадают на глаза, так как летают за добычей в разные стороны и на дальние расстояния. Все эти птицы достаточно осторожны. Даже на большой высоте пеликан всегда облетит стороной человека. Близко увидеть пролетающую птицу удается только в том случае, когда человека скрывают тростниковые заросли. Низко пролетающий пеликан производит крыльями такой шум, что невольно пытаешься пригнуться. В свою очередь, и гигант тростникового птичьего царства, разглядев человека, натужно махая крыльями, старается

поскорее набрать высоту. В этот момент, если готов фотоаппарат с телевизором, можно сделать неплохой кадр. Когда наблюдаешь пеликанов не в зоопарке, где они кажутся очень уж громадными, а в их родных тростниковых краях, начинаешь чувствовать всю естественность этого создания природы и проникаться к нему невольным уважением. Несмотря на свои размеры и большой вес (около 12—15 кг), пеликаны сравнительно легки на подъем. Часто взлетают без разбега, много времени свободно и грациозно парят в воздухе, поднимаясь на очень большую высоту. Кстати, они любят это делать, и периодически в районе их колонии часть птиц парит, обозревая всю округу. Если в воздухе на пеликана сверху нападает чайка, то громадная птица необычайно быстро поворачивается к ней брюхом и отгоняет прочь так же, как это делают пернатые хищники при нападении на них более мелких птиц. И пеликаны, и бакланы птицы общественные. На гнездовья они собираются

вместе. В каком-нибудь глухом камышном углу тростниковых островов, окруженных глубокими водами, на кустах и заламах тростника они устраивают гнезда. Пеликаны обычно в середине колонии, бакланы по ее окрайкам и всегда на более высоких местах. Примечательно, что розовый пеликан поселяется только крупными колониями: ни разу не было встречено одиночное гнездо этого вида. Серый же, или кудровой, пеликан, хотя и предпочитает жить в сообществе, иногда устраивает и отдельные гнезда. Это дает ему некоторые преимущества перед розовым в тех случаях, когда птица остается недостаточно для образования колонии.

Посещение колонии пеликанов и бакланов оставляет незабываемое впечатление. Правда, добраться до нее бывает нелегко: запутанный лабиринт протоков, сплошная стена тростника, тучи мошек и комаров. Но все это окупается сторицей, когда оказываешься рядом с колонией. Сотни огромных белых птиц плотно сидят на гнездах, поворачивая в стороны голову с непомерно

большим клювом, имеющим на подклювье вместительный оранжево-желтый мешок, куда легко помещается сазан весом до 4 кг.

С первого взгляда на взрослых птиц, если их много, трудно бывает отличить розового пеликана от серого. Более заметна их разница при подъеме птиц в воздух. В глаза бросаются окрашенные в нежно-розовый цвет грудь и брюхо первого и кудри на затылке у другого вида. Зато потомство обоих видов различается очень легко. Птенцы серого пеликана — белые, розового — черные. Окрепшие птенцы пеликанов собираются в большие смешанные группы. При появлении родителей, принесших корм, в колонии поднимается страшный гвалт. Все птенцы тянутся за кормом, но, очевидно, родители как-то распознают своих чад. И рост всех птенцов колонии идет сравнительно равномерно.

Фотографировать пеликано-бакланью колонию нетрудно, особенно если сидеть в укрытии. Но непреложным правилом должно быть посещение ее только в период, когда птенцы покроются пухом и

Лежище на острове
Медном

Сивуч-секач

Нега. Самка котика

Сивучи. Прыжок при
болельщиках

Секач и matka ко-
тика

Будущий морской
лев. Остров Медный

начнут оперяться. До этого приближе-
ние к колониям неизбежно ведет к ги-
бели большого количества только что
вылупившихся голых птенцов.
Неплохие условия для фотографирова-
ния птиц в Прибалхашье выдаются во
время весеннего и осеннего перелетов.
Многие птицы задерживаются на кор-
межку. В эти периоды особенно хорошо
снимать воробьиных, а из укрытий
легко «отстреливать» водоплавающих.
Широко идет осенний пролет пеночек.
Эти доверчивые птички равномерно рас-
пределяются по всей площади тростни-
ков. Когда останавливаешь байдарку и
садишься, приготовив фотоаппарат, пе-
ночка обязательно подлетит совсем
близко. Но ловить в кадр этих подвиж-
ных пичуг нелегко. Птички осматри-
вают тростничины, лазают по купакам
и, часто трепеща крыльями, замирают
над водой и что-то склевывают с ее по-

Сивучи заметили человека. Остров Карагинский

Песец в роли санитара. Лежище котиков.
Остров Медный

Ларги и чайка. Остров Верхотурова

Котики и сивучи

верхности. Везде бывает слышен их печальный посвист. Когда в середине октября они вдруг исчезают, сразу чего-то не хватает: то ли их любопытствующего взгляда, то ли печальной ноты осеннего посвиста.

Некоторые из пролетных птиц, если им почему-либо приглянутся здешние места, надолго задерживаются, нередко до будущей весны. Например, по незамерзающим протокам держатся утки-гоголи, большой крохаль, луток и кряква. Даже яркогрудая зарянка остается на зиму. Правда, зимуют они не каждый год. Особенно много их осталось в зиму 1964/65 г. Такие зимующие птицы в отличие от оседлых служат как бы полпредами весны и при встрече с ними дарят необъяснимую радость, очевидно, напоминая о теплых днях утра года. Одна из моих встреч с такой вот представительницей весны — зарянкой оставила особенно заметный след. Это было в конце января 1965 года в тростниковых дебрях неподалеку от озера Балхаш. Стояла морозная туманная погода, гулко трещал лед, тростник покрывался изморозью, а усатые синицы зябко ежились, сидя на его метелках.

Мы занимались экспериментами по зимнему отлову и кольцеванию ондатры. Для этого приходилось вскрывать хатки зверьков, внутри которых было 8—10° тепла.

Кайры. Арий Камень

Страж командорских туманов — краснолицый баклан. Остров Медный

Под надежной защитой. Арий Камень

Чайки дом — красноногая говорушка

И вот, переходя от хатки к хатке, я вдруг заметил, что меня сопровождает зарянка. Когда я уходил от хатки, птичка садилась на выброшенный сор и копалась в нем, выискивая насекомых. Потом, по треску тростника, находила меня снова, и снова повторялась та же картина. У одной хатки я нарочно задержался подольше. Птичка осмелела и подлетела, сев совсем рядом со мной. Я нашел несколько червячков и протянул ей. Она клюнула их прямо с руки. А еще через несколько минут птичка сидела на руке, грея лапки, и уже не боялась меня. Так зарянка летала за мной до самого вечера. Несколько раз я раскладывал из тростника небольшой костер, и мы вместе грелись возле его. Я потом с сильным треском ломился по тростнику дальше, но мою прелестную спутницу шум не смущал. Только тогда, когда начали сгущаться сумерки, пичуга исчезла, по-видимому, отправившись на ночлег.

В этот день я снимал свою милую спутницу даже без телеобъектива, но из-за туманной серости качество негативов было неважным.

Прежде чем закончить эти прибалхашские заметки, и перейти к рассказу о холодных дальневосточных, туманных командорских тропах, расскажу о том, как на этом озере ураганные западные ветры ломают в период ледостава еще тонкий лед и собирают его на мелководье в громадные гряды — торосы высотой до 15 метров.

Первое знакомство мое с южными торосами произошло в марте 1962 года. Моторка, петляя по зигзагам протоки Нарына и проносясь под склоняющимися к воде тростниками, вдруг вырвалась на водный простор Балхаша и затарактела напрямик к цепи «горных вершин». Чем ближе мы к ним подплывали, тем величавее они становились. Вот они уже окружают нас со всех сторон. Солнечный луч фантастически расщепляется в грядях ледяных кристаллов,

Остров Старичков. Камчатка

Птичьи гнезда на скалах

слышится мелодичное позванивание обваливающихся льдинок. Порой кажется, что произошла ошибка, и здесь не Южный Казахстан, а настоящая Арктика. Кричат чайки, кружатся орланы. Но все «арктическое» впечатление нарушается заплывшей вслед за нами в лабиринт торосов ондатрой, которую уж никак не отнесешь к полярникам. Балхашские торосы очень плотны, по ним легко можно ходить. Тают они медленно, иногда последние остатки их встречаются еще в мае. Так что неожиданно поджидают фотографа не только в мире живой природы. Торосы, конечно, были сфотографированы. На Командорских островах. Теперь перенесемся за много тысяч километров,

на край русской земли к дальневосточным берегам. Мое знакомство с ними началось почти четверть века назад. В августе 1952 года после окончания института я поехал работать зоотехником на Командорские острова, а точнее, на остров Медный. Зоотехническая епархия моя состояла из морских котиков, каланов и в первую очередь голубых песцов. После почти 10 лет работы на Командорах я часто возвращался сюда в экспедиционные поездки. Земля эта полюбилась мне навсегда, и при каждой возможности я приезжаю сюда снова. Здесь, если туман — то не спрятавшийся в чащу джунглей, а осязаемо обволакивающий склоны и вершины сопков, стекающий по падам или

Полярный воробей-пуночка
Монгольский зуек с птенцами
Куропач на припеке
Малая конюга

уносящийся к перевалам. Если ветер — то настоящий, рвущийся с океанского простора наперегонки с гигантскими волнами.

Командоры безлесы. Редкие кустики из прячутся по берегам бурных рек да невысокие кусты местной рябины красят осенью склоны сопков огненно-красными гроздьями. И как ботаническая редкость встречаются кедровый стланник и можжевельник. Изда-лека в тундре видны россыпи грибов — подосиновиков и белых.

Морские побережья густо заселены. С ними на Командорах тесно связана жизнь большого числа животных и прежде всего птиц и млекопитающих. Командорские берега с их живыми богатствами производили весьма большое впечатление даже на таких бывалых путешественников и землепроходцев, какими были очутившиеся здесь волею печального случая участники терпящей бедствие экспедиции Витуса Бе-

ринга. Что же говорить о нас грешных, изнывающих от издержек цивилизации! Такие уголки природы — лучшее лекарство для современного человека.

Нельзя сказать, что и условия для фотосъемок здесь плохи. Хотя и не каждый день, но бывает солнце. Единственная трудность — меняющееся освещение. Постоянно надо страховать свой опыт объективностью экспонометра. Впрочем, эти сложности присущи всем морским берегам Дальнего Востока. В разное время мне посчастливилось также побывать на Курильских островах, острове Берхотурове, острове Карагинском, бродить по Камчатке. Самая яркая достопримечательность этих краев — богатый и своеобразный животный мир морских побережий. Фотографу, особенно вооруженному телеобъективами, здесь широкое раздолье. Конечно, надо обладать опытом, чтобы суметь найти и близко подобраться к некоторым обитателям даже этих мест.

Самой заветной моей мечтой всегда была жажда встречи с каланами. Увидеть

этих диковинных зверей, обладающих сказочно ценной шкуркой, проследить за их жизнью и оставить на память их снимки — вот что в первую очередь влекло и продолжает манить меня к медновским скалистым берегам. В общем, я не могу пожаловаться на судьбу: она нередко сводила меня довольно близко с каланами. О некоторых встречах с ними мне и хочется сейчас рассказать.

Каланы исключительно осторожны и, кроме того, обладают такой отличной покровительственной окраской, что если не осматривать внимательно берег, можно пройти совсем рядом со зверем. Конечно, в том случае, если и он не замечает вас и ветер благоприятен. Первого калана я увидел близко в глубоких сумерках декабрьского дня 1952 года. Зверь внезапно поднялся передо мной, зафыркал и неуклюже побежал к воде.

Почти в этом же месте, но уже весной следующего года, пасмурным, но достаточно светлым днем мне снова довелось близко подойти к калану. Крупный ста-

Чайки
Топорки. Арий Камень

Командорские «попугаи»-топорки

Малоизученная птица — конюга-крошка. Остров Берхотурова

Птичьи скалы

Круглоносый плавунчик

Калина

Гаги. Остров Медный

рый белоголовый зверь лежал на вершине небольшого камня. Удалось приблизиться к нему на расстояние протянутой руки и даже — из озорства — осторожно коснуться пышно-шелковистой шкурки. Потом я вспомнил, что со мной фотоаппарат «Зоркий» и, отойдя чуть в сторону, стал наводить на резкость. Калан что-то заподозрил и поднял голову, посмотрел в мою сторону. Я успел сделать несколько снимков, прежде чем зверь поспешил к спасительному морю. Его портрет я привожу в этой книге. И впоследствии мне более, чем другим, везло на съемках каланов. В моем фотоархиве не менее полутора десятков хороших каланьих кадров, снятых обычным «Зорким».

Спустя много лет я вооружился телевиками, «Зенитами», и фототека каланов умножилась.

Наибольшая удача среди всех моих фотоохот за каланами произошла позднее. Она заслуживает, видимо, того, чтобы рассказать ее историю поподробнее.

Июльским утром 1962 года я направился в бухту Запалата, где собирался посчитать и понаблюдать каланов и островных тюленей-аятуров. Переход занял не более полутора часов — остров Медный в этом месте неширок, каких-то 4 километра. На противоположной стороне Тихий океан слегка пошумливал прибоем и играл солнечными бликами.

Подойдя к узкой щели, откуда начинался весьма крутой спуск, я огляделся. Вокруг открывался удивительный вид на скалистое царство. К основаниям скал здесь примыкала узкая полоска каменистой, кое-где усеянной обломками камней плиты, рядом множество камней — от показывающихся в отлив рифов до причудливых, с арками, гротами и карнизами столбов.

Бухта Запалата славится зверями. На широкой отливной плите лежит около сотни тюленей — аятуров, среди которых нет похожих друг на друга окрас-

Остров Медный

Кады на море.
Остров Медный

кой. Одни бархатисто-черные, другие — песочно-желтые, третьи переходных цветов. Но у всех у них многочисленные белые кольца, образующие неповторимый, ромашковый орнамент. Эти тюлени недавно были занесены в международную Красную книгу редких и исчезающих зверей.

А вот и легендарные жители северо-тихоокеанских берегов — каланы. Совсем рядом, в каких-то десятке-другом метрах от берега они плавают меж скал, отдыхают в небольших бухточках. Самочки нянчатся с забавными щенками,

прозванными за бурый лохматый мех «медведками», одиночные каланы ныряют за морскими ежами или собирают по краям камней мидии. Звери все время меняют место, хотя далеко от привычного участка берега надолго не уплывают. То кормятся, плавав к зарослям морской капусты, то возвращаются обратно, собираются в группки и, лежа на спине, спят, качаясь на океанской волне. Некоторым нравится вылезти на обросшие водорослями обнажившиеся по отливу рифы. Человек в этом месте появляется очень редко, и, видимо, это

создает здесь особенно спокойную, даже безмятежную обстановку.

Осторожно, чтобы не стронуть камни осыпи, спускаюсь вниз и самозабвенно погружаюсь в этот сказочный мир. Просмотрел птичьи колонии, подсчитал, насколько позволяли возможности, их обитателей, сделал несколько десятков снимков. Затем, прячась за небольшие обломки скал, подобрался близко к берегу и начал наблюдать за антурами и каланами. Шел час за часом. Давно

ми обычно и происходит в таком случае. Но они так же безмятежно плавали, спали в нескольких метрах от меня, покачиваясь на океанской груди. Было снято уже 11 пленок, а все оставалось по-прежнему.

Говорят, что животные необъяснимым образом чувствуют состояние человека, и в первую очередь злобное к себе отношение. Не берусь судить, как на самом деле. К каланам у меня всегда было теплое чувство в душе и никогда да-

минуло утро, прошел полдень, а мне казалось, что промелькнуло лишь мгновение. Все здесь было необычным. Хотя я и находился на выступе одной из скал у самой воды, и чуткие каланы «по всем правилам» должны были меня давно-давно обнаружить, они не подавали признаков беспокойства и продолжали невозмутимо плавать совсем рядом. Я был вооружен двумя «Зенитами» с телевиками МТО-500 и «Таир-3». Щелкая кадр за кадром, мне все время казалось, что вот-вот звери меня обнаружат и быстро исчезнут, как это с ни-

же досады не появлялось. А здесь я вообще был наполнен к ним невероятной симпатией и нежностью. Может быть, в награду за это и случилось самое удивительное. Из-за ближайшего скалистого мыска выплыл... белый калаи. Не поверив глазам, я трепетно ждал, чтобы он хоть немного приблизился еще. Когда до него оставалось не более 20 метров, сомнений не стало. Передо мной действительно был белый калаи, тойон каланов из преданий алеутов, который появляется один только раз в сто лет!

Зверь вел себя, как все каланы. Набрав мидий, он не торопясь стал их грызть. Потом успокоился и подремал в воде. Проснувшись, повертел головой, принялся и поплыл в море. Очевидно, его заинтересовали другие каланы, проплывавшие мимо бухточки. Потом он снова вернулся в бухточку и опять закачался на легких волнах неподалеку от отдыхающих на камне серокрылых чаек.

Наблюдал и фотографировал я его и других каланов до самого вечера, пока начавшийся прилив не заставил меня поспешить выбраться наверх. Да ко всему после захода солнца и снимать стало почти невозможно. Я был рад результатам закончившейся охоты. В рюкзаке лежала драгоценная добыча: целых 500 кадров, и среди них — единственные в мире кадры с белым каланом.

Не чувствуя никакой усталости, я резко перемахнул перевал, спустился в бухту Глинка к промысловому домику и только там, в одиночестве, придя, наконец, немного в себя, понял, что в этот день на мою долю в фотографической лотерее выпал самый дорогой выигрыш. (Подобное же редкое, поистине лотерейное везение случилось со мной еще раз в 1964 году, на Балхаше. Я занимался

тогда отловом ондатры для мечения, и мне посчастливилось поймать белого зверька. Для сравнения отмечу, что на 1 миллион отлавливаемых охотниками Балхашского промхоза ондатр попадалось ежегодно не более 3 альбиносов.) С той загадочно-удивительной встречи с каланами минуло 15 лет, но подобных удач мне больше не выпадало.

Песцы привыкли к человеку Остров Медный
Дикие голубые песцы пришли за подкормкой
Щенки голубого песца в ожидании родителей
Голубой песец стонет при приближении человека к норе. Остров Медный

Песец недоволен Остров Беринга

В мире прибрежных скал, где обитают каланы, встречаются, как я уже писал, и тюлени-антуры. Этот зверь осторожен, пожалуй, еще более, чем калан. Антуры хорошо видят и загодя обнаруживают человека. При приближении к ним они быстро плюхаются в воду и расплываются в разные стороны. Правда, после введения запрета на их добычу, антуры сделались поспокойнее.

Первые хорошие снимки антуров мне удалось сделать на Курилах, на острове Итуруп. Здесь на мысе Виноградовском, на базальтовых уступах, у самого прибоя лежали 43 тюленя. Среди них выделялись темной окраской с цветочным орнаментом 14 экземпляров. Сперва мы разглядывали их с обрыва, а потом спустились вниз и подползли поближе. У меня наготове был «Зенит» с МТО-500, запас пленки. С радостным, как всегда в таких случаях, волнением снимали мы кадр за кадром. Мой спутник зоолог В. Г. Воронов сожалел, что у него только лишь «Москва-5». Звери не пугались, а если и спускались в воду,

то не плюхаясь, как при опасности, а почти бесшумно. И тут же возвращались вновь. У одного в пасти мы увидели огненно-красного терпуга, которого он на наших глазах проглотил...

После Итурупа мне стало везти на антуров и на Командорах. Удалось сделать немало их портретов в самых неожиданных позах. Случалось, когда я жалел, что под руками не оказывалось кинокамеры. Например, в июле 1975 года на Черном мысу, в 5 метрах от меня два тюленя не ладили меж собой и принялись драться, по-мальчишески давая друг другу оплеухи.

В прилив антуры любят лежать на отдельных, иногда слегка затопленных камнях. Тогда они выглядят совсем цирковому, держа равновесие на одной точке брюха.

Ближайшая родственница антура ларга — промысловый вид. Регулярная охота на нее сделала этого зверя очень пугливым. В этом мне пришлось убедиться в 1971 году, когда мы с камчатским охотником П. С. Вяткиным провели неделю на необитаемом острове Верхотурове. Требовалась особая осторожность, чтобы подкрасться к здешним ларгам. Лишь МТО-500 выручал. С его помощью я сумел «настрелять» порядочно групповых портретов этих зверей. В отличие от каланов, антуров и ларг подойти совсем близко к морским котикам не составляет никакого труда. Эти звери в период размножения не только не боятся человека, но иногда и пытаются нападать на него. Агрессивно ведут себя самцы-секачи, весящие до 380 кг. Самки же и молодой доверчивы и привыкают к человеку довольно быстро. Летом 1976 года я побывал на очень красивом юго-восточном лежбище котиков и сивучей на острове Медный. Когда минуешь перевал, с которого начинается спуск к оконечности острова, то открывается замечательная картина с видом беспредельных далей океана и па-

норами котиково-сивучьего лежбища. Еще пару сотен метров спуска — и звери совсем рядом. Многоголосый хор, который слышен за несколько километров, усиливается. Бесперывное движение десятков тысяч тел. Заметны громадные желто-коричневые тела полутонных сивучей. С котиками они, в общем-то живут в мире, но в период размножения более крупный самец сивуча легко откидывает со своей дороги трехцентнерового котика-секача.

За этим лежбищем я наблюдаю давно. С 1952 года регулярно делаю панорамные снимки. По ним можно проследить изменения в размещении животных, произошедшие за четверть века. Фотоаппарат оказывается хорошим помощником человека при изучении поведения котиков. Ведь каждый снимок — это остановленный момент жизни котикового стада, позволяющий исследовать, устанавливать закономерности

поведения тех или иных групп зверей. Кроме того, фотографирование — самый безобидный способ учета молодняка, который как будто специально для этого собирается большими группами на «детских площадках».

Во время этого посещения лежбища мы застали там известного кинооператора-анималиста Ю. Я. Ледина, снимавшего фильм о котиках. Часть «съемочной площадки» была отгорожена листами толстой фанеры — для страховки от нападения секачей, которые, оберегая своих самок от соперников, могут принять человека за своего сородича.

Ледин показал мне своего «крестного» — громадного секача, который подозрительно поглядывал в нашу сторону. В самом начале работы Юрий Янович, привыкнув к миролюбивым самочкам, допустил беспечность: не обратил внимания на направившегося к нему самца. А тот сделал рывок и прокусил ему

Ручной песец Вятка
Его родители утащили фотоаппарат

Котик-секач

ногу под коленным суставом. К счастью, сухожилия и сустава он не повредил. Кинооператор не сетовал — сам виноват. Нога же через пару недель зажила. Фотографировать котиков и сивучей при кажущейся простоте не легко. Конечно, масса зверей всегда получается. Однако портреты отдельных животных, интересные сценки из их жизни приходится ловить с трудом. Несмотря на многолетнее пребывание на лежбище котиков с фотоаппаратом, мне до сих пор не удалось сделать некоторых нужных кадров. И вот что еще интересно. При кажущейся близости животных, все же портреты их лучше получаются при помощи телевиков, особенно «Таира-3» и «Телемара-22».

Еще труднее снимать сивучей — они осторожнее и лежат дальше. Здесь без телеобъективов не обойтись. Очень мне нравятся их прыжки в воду со скалы с высоты в несколько метров. Причем,

оказывается, они не просто плюхаются в воду, а входят в нее как истинные прыгуны-спортсмены. Конечно, снимать их в этот момент надо с выдержкой не больше, чем $\frac{1}{125}$ секунды.

Когда находишься на котиковом лежбище, то сразу же обращаешь внимание на спящих взад-вперед между телами секачей и самок голубых песцов. Эти хищники поспевают везде. Покормившись на котиковом лежбище последями или трупами погибших детенышей, песец может вскарабкаться по обрыву к гнезду глупыша и достать яйцо или птенца. А если близко речка, то он и порыбачить не прочь. Неотступно следует он за человеком, иногда даже пытаясь (если рядом нора со щенками) тапнуть его за сапог или ботинок. Рюкзак и другое снаряжение без присмотра оставлять не рекомендуется. Зверь его обследует, пометит, может прогрызть или что-либо стащить.

Доверчивость голубых песцов, особенно на острове Медном, наблюдалась истарии. Поэтому фотографировать этого зверя сравнительно легко. Но сделать хороший снимок тоже непросто. Песец большей частью находится в движении, и не всегда успеваешь навести фотоаппарат во время выгодного положения зверька.

В первые годы моей работы на Медном еще проводилась практика регулярной подкормки песцов. Таким путем они привлекались к тем местам, где с момента открытия промысла ставились ловушки. До сих пор перед моими глазами стоит удивительная картина, которую я наблюдал в ноябрьские и декабрьские предпромысловые дни в разных частях Медного и особенно в селе Преображенском. В одно и то же время (около 3 часов дня) промысловик, волоча за собой на веревке пахнущую потаску, шел через весь поселок и посвистывал в милицейский свисток. Едва раздавались первые звуки, как с разных концов, из тундры и с побережья, задржав хвосты, мчались дикие голубые песцы. Окружив человека, они затем спокойно и невозмутимо шли тесной кучей (120—150 зверьков) по улицам под окнами домов, почти прижимаясь к ногам, до самого места выдачи корма. И так изо дня в день до самого отлова, обычно начинавшегося с первых чисел января.

Картина эта была столь частой и уже привычной, что я все откладывал съемку «на потом». Сделал всего два кадра, из которых один помещаю в книге.

Семейная идиллия

Любопытство Самка морского котика

Котик-секач и чайка

Антур

Вскоре описанная система островного звероводства была ликвидирована. Теперь нигде в мире уже подобного не увидеть. Нужны специальные, дорогостоящие затраты на воссоздание картины незабываемого, почти что сказочного шествия сбегавшихся нивесть откуда диких голубых песцов. Полученный урок заставил меня твердо поверить в то, что фотографу необходимо уметь даже в обыденном видеть заслуживающий внимания кадр.

В местах, где обитают голубые и даже белые песцы, следует соблюдать осторожность. На маленьком, длиной всего 5 километров, уже упомянутом необитаемом острове Верхотурове я был наказан за несоблюдение этого правила. Во время недельной робинзонады на Верхотурове мы изучали его животный мир, подсчитывали запасы морских птиц, часто и помногу фотографировали на черно-белую и цветную обратимую пленку.

У меня с собой было четыре фотоаппарата. Однажды я сел перезарядить один из них. Бисевшую на пее «Москву-5»

положил рядом с тропкой. Но когда, топясь пройти по отливу к птичьему базару, я пошел дальше, то не сразу ее хватился. Прошло не более часа, как я обнаружил, что забыл «Москву», и вернулся к этому месту, но увя. Фотоаппарата не было. Кто-то из взрослых белых песцов, обитавших в расположенной неподалеку иоре, воспользовался моей оплошностью. Поиски ничего не дали. только убедился, что зверьки обладали привычкой тащить много несъедобных вещей к иоре, видимо, вместо игрушек для молодняка. Там лежали всевозможные «подарки» моря — пузырьки, щетки, поплавки, ботинки, босоножки, цветные шарики и т. д.

Так и осталась моя «Москва-5» в распоряжении песцов с острова Верхотурова. Единственной компенсацией был пойманный мною близ этой норы маленький песчонок, которого мы прозвали Вяткой. Зверек благополучно перенес и неудобства экспедиционной жизни, и дорогу до Кирова. Несколько месяцев он жил свободно в моей квартире, крепко подружился к эрдель-терьером

Моржи у берега. Чукотка. Руддерское лежбище. Фото А. Панкратова

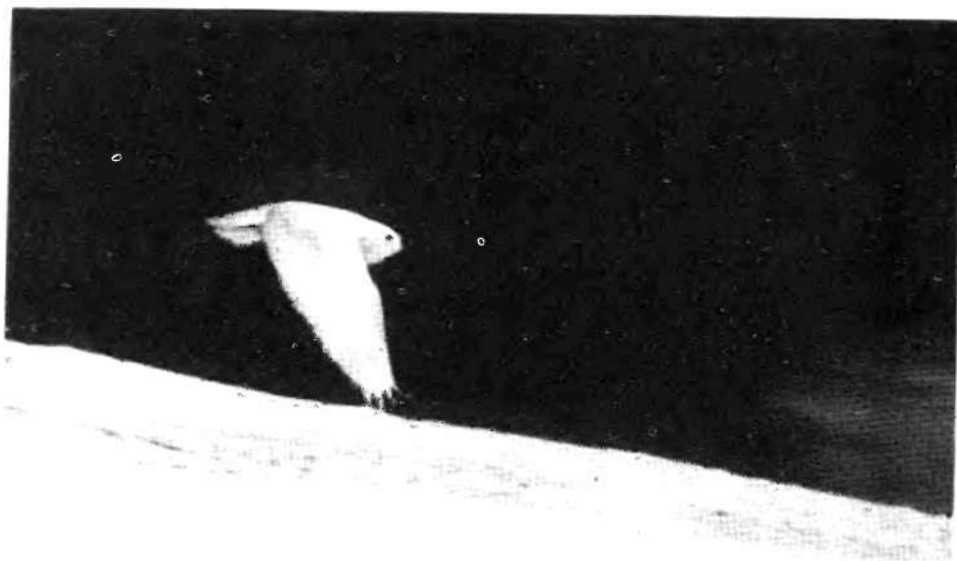
Бегой, но причинял много забот, портил мебель, и потому пришлось его переправить на новое жительство. Сейчас Вятка живет в просторной вольере на биостанции ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства, неподалеку от Кирова. Хотя она и порядком одичала, но когда заходишь к ней в вольеру, то временами делается как-то по особенному задумчивой.

Без всякого сомнения, наиболее благодарно для фотографа-натуралиста посещение птичьих базаров. Размещаются они не только на крутых морских берегах, но и на побережьях внутренних водоемов — таких, например, как озера Байкал или Балхаш. И все же настоящие птичьи базары бывают лишь на морских побережьях. Там, где неустанно шумит прибой, где пенная волна лижет основание скал, на их уступах и вершинах устраивают гнездовья чайки, бакланы, чистиковые, трубконосые и некоторые другие птицы, живущие большими сообществами. При птичьих базарах стражами порядка состоят иногда

такие замечательные, красивые птицы, как кречет и сапсан.

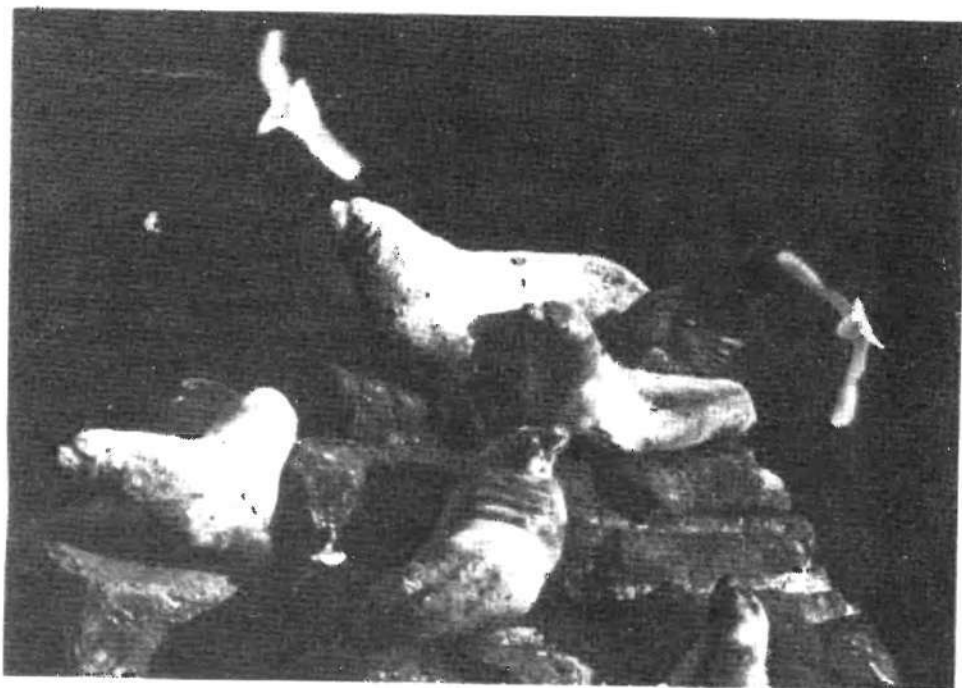
По весне, когда с береговых утесов спадает снежная пелена, к ним подлетают шумливые поселенцы. Самыми первыми обычно показываются белобрюхие кайры, или, как их зовут на Дальнем Востоке, ары. Название ары — звукоподражательное. «Арра-арра», — кричат птицы, и, если их тысячи, такой хор заглушает не только грохот прибоя, но и шумное эхо выстрела. Кайры — самые характерные жители птичьих базаров. Они могут гнездиться и на узеньких уступах, и среди каменистых осыпей, и на ровных площадках на вершинах утесов.

На Командорских, Курильских и некоторых других островах Охотского, Берингова морей и Тихого океана гнездятся глупыш. Эта птица из отряда трубконосых. Ее самые близкие родичи — буревестник и альбатрос. По размерам глупыш чуть больше вороны, но принадлежит к числу замечательных летунов, способных легко носиться над самым бурным морем. Свое не совсем

Полярная сова над тундрой.
Остров Беринга

Сивучи и чайки

лестное прозвище птица получила за доверчивый нрав и способность едва ли не из рук человека брать корм. Интересна особенность большинства обитателей птичьих базаров — склонность перед «трудовым» днем и после него собираться кучкой и сидеть некоторое время молча. Подобные собрания именуются «клубами». Особенно часто в «клубы» собираются кайры, гагарки, топорки и говорушки.

Посещение больших и разнообразных по населению птичьих базаров доставляет глубокое наслаждение и оставляет незабываемое впечатление. А ведь наша страна располагает уникальнейшими колониями морских птиц! Их немало на побережьях Варенцева и Карского морей, на Новой Земле и Чукотке. Особенно увлекательно путешествие в мир птичьих базаров, расположенных по берегам Камчатки, Курильских и, конечно же, Командорских островов. В этом краю на рубеже суши и моря рождаются неповторимые картины, одна прекраснее другой, и вряд ли можно удивляться тому, что фотограф-натуралист, открывший для себя подобные места, будет неуклонно стремиться прийти на свидание с ними снова и снова.

Автору, естественно, хочется, чтобы книга была чем-то полезна читателю. Может быть, она подскажет, как найти свою тему, фотографируя на природе, ближе познакомит с жизнью отдельных животных, поможет советом, который бывает необходим начинающему фотографу, порадует видами прекрасных ландшафтов нашей Родины, снимками животных и птиц — героев моих фотографий.

Но фотографируя пейзажи, делая портреты зверей и птиц, нельзя забывать о своей ответственности за их судьбу. А проникшись этим чувством, вы, конечно, передадите его другим, помогая увеличивать ряды тех, кто стремится сделать Родину краше, а каждый уголок ее превратить в «цветущий край», о чем так проникновенно говорил на XXV съезде КПСС Леонид Ильич Брежнев. Для фотографирования хороши все времена года: и яркая весна, и солнечное лето, и благодатная, пестрая осень, и белая зима. И, возможно, кто-нибудь из фотографов-натуралистов, кому попадет в руки эта книга, как раз готовит к предстоящим большим и малым походам своих надежных помощников и друзей, носящих разные имена: «Зениты», «Зоркие», ФЭДы, «Киевы», «Салюты», «Чайки», «Смены». Остается проверить затворы, запастись нужными пленками, подобрать другое снаряжение и, что очень важно, не забыть о планах съемок. Они позволят лучше распорядиться временем, не отвлекаться на мелочи.

Ну, а тем любителям природы, кто впервые начнет заниматься фотографией, я хотел бы напомнить слова старейшины советской светописы, фотопэта русской природы — Сергея Кузьмича Иванова-Аллилуева о том, что в людях, взявших в руки фотоаппарат, особенно ценится «постоянная тяга к самосовершенствованию. Страстное желание каждый новый снимок сделать лучше прежнего. Умение радоваться творческим успехам, принимать как праздник каждое фотооткрытие...»

Попутного вам ветра, побольше солнечных дней, радостных встреч в природе и удачных фотовыстрелов. Говоря языком охотников: «Ни пуха, ни пера!»

Артюхов Г. Я. Охота без запрета. М., «Лесная промышленность», 1969.

Артюхов Г. Я., Сошальский Г. Н. Фотографирование животных. М., «Колос», 1976.

Бутурлин С. А., Иващенко А. П. Охота с камерой. Фотографирование живой природы. Приложение к журналу «Наша охота» за 1912 г. Спб., 1913.

Воронов А. Г. (составитель). Знакомые — незнакомцы. М., «Мысль», 1965.

Вильчек Лех. Красочные встречи. Варшава, 1966.

Герасимов Н. П. Биосфера Земли. М., «Педагогика», 1976.

Гиппекрейтер В. Командоры. М., «Планета», 1972.

Жаворонков Н. М., Зуев Е. Я. Охрана охотничьих животных. М., «Лесная промышленность», 1976.

Иванов-Аллылуев С. К. Фотосъемка пейзажа. М., «Искусство», 1971.

Мальчевский А. С., Голванова Э. Н., Пукин-

ский Ю. Б. Птицы перед микрофоном и фотоаппаратом. Л., Изд-во Ленинградского университета, 1972.

Мариковский П. Охота с фотоаппаратом. Алма-Ата, «Кайнар», 1965.

Микулин В. П. 25 уроков фотографии. М., «Искусство», 1966.

Микулин В. П. Фоторецептурный справочник. М., «Искусство», 1972.

Минкевич Вл. Охота с фотоаппаратом. М., «Искусство», 1963.

Митрюшкин К. П., Шапошников Л. К. Человек и природа. М., «Знание», 1974.

С. Морозов. Русские путешественники - фотографы. М., Изд-во географической литературы, 1953.

Огнев С. И. Фотография живой природы. М., МОИП, 1949.

Песков В. М. Отечество. М., «Молодая гвардия», 1972.

Пухальский Владимир. Природа Арктики. Варшава, «Спорт и туризм», 1968.

Рыбаков С. Н. С фотоаппаратом под водой и льдами. Л., «Гидрометиздат», 1972.

Симонов А. Г. Фотосъемка. М., «Искусство», 1969.

Сморodin В. А. Фотографирование природы. М., «Искусство», 1957.

Тамицкий Э. Д., Горбатов В. А. Учебная книга по фотографии. М., «Легкая индустрия», 1977.

Туров С. С. Натуралист-фотограф. М., «Искусство», 1957.

Фомин А. В. Общий курс фотографии. М., «Легкая индустрия», 1976.

Фрейдберг А. Баргузинский заповедник. М., «Советская Россия», 1973.

Эйнгерн Эрих. Основы фотографии. М., «Искусство», 1967.

Якушкин Г., Павлов В., Якубенко Э. Таймыр — край удивительный. М., «Советская Россия», 1976.

Яштольд-Говорко В. А. Печать фотоснимков. М., «Искусство», 1967.

7 Немного истории

О выборе фотоаппарата и подготовке к съемке

11 Как, где и что снимать

15 Обработка и использование фотопленок

27 Тропы натуралиста-фотографа

31 Карелия

32 Западная Сибирь

41 В Тулашорской тайге

47 Путешествие к Ленским столбам

47 В тени туранговых рощ

50 В национальных парках Заира

55 Прибалхашье

76 На Командорских островах

94 Что читать о фотоохоте

Сергей Владимирович Мараков

**В ПРИРОДУ
С ФОТОАППАРАТОМ**

Зав. редакцией
научно-художественной
литературы
М. Новиков

Редактор
К. Томила

Мл. редактор
В. Саморига

Художник
Э. Ипполитова

Худож. редактор
М. Бабич

Техн. редактор
Т. Пичугина

Корректор
Н. Мелешкина

ИБ 308

А 03208. Индекс заказа 87711.
Сдано в набор 20/IX-1977 г. Подписано к печати
17/III-1978 г. Формат бумаги 60X84^{1/16}. Бумага
офсетная № 1. Бум. л. 3,0. Печ. л. 6,0. Усл.
печ. л. 3,58. Уч.-изд. л. 6,76. Тираж 100.000 экз.
Издательство «Знание», 101835, Москва, Центр,
проезд Серова, д. 4. Заказ Б-357. Цена 60 коп
Типография издательства Тат. ОК КПСС
г. Казань, ул. Декабристов, 2